

Арт Потар

Атли Гуннарссон

Запись первая

в которой я описываю приезд

в Тарантию королевы Чабелы Зингарской

и кратко повествую о жизни во дворце

Аквилония, Тарантия

25 день второй осенней луны 1314 года

В народе утверждают, будто любой государственный праздник (особенно «Большое коронное торжество»), по разрушительным последствиям равен нашествию варваров вкупе с явлением неисчислимой стаи саранчи и тысяче пожаров, случившихся во время речного разлива и урагана. Простецы во многом правы.

Дело в том, что ровно через пять дней в столице нашего богоспасаемого королевства будет отмечаться одновременно три грандиозных празднества, объединенные в одно. Самхайн — день осеннего солнцеворота, годовщина рождения короля и его совершеннолетие, и, само

собой разумеется, Коронация. Его нынешнее величество, государь Аквилонии и всех подвластных скипетру Трона Льва земель, Конн I из династии Канах, изволит принять из рук богов, дворянства и народа отеческий престол.

Именно по данной причине Тарантия уже несколько дней напоминает гигантский беспокойный улей.

Прошло всего полторы луны с того, навсегда запавшего в мою память дня, когда король Конан отрекся от трона в пользу наследника — дело происходило на моих глазах, в пределах отцовского поместья, называющегося Новый Юсадаль.

Историю тогдашнего приезда старого короля и его сына рассказывать не буду, ибо отец и Конан настрого запретили открывать эту маленькую тайну людям посторонним, однако следует упомянуть, что в последний вечер пребывания короля и наследника в нашем замке произошло неожиданное: Конан внезапно предъявил нам акт отречения и в соответствии с древними законами передал власть Конну. То есть моему старому другу времен юности, проведенной в столице — отец трудился на поприще личного библиотекаря и летописца короля, и воспитывался я при дворе.

Тем же вечером новоиспеченный монарх подписал свой первый указ, гласивший о принятии некоего Ротана, барона Юсадаля, в знаменитый гвардейский отряд «Черный Дракон». Так я заполучил давно ожидаемое звание королевского ликтора, то есть вступил в ряды самого блестящего и уважаемого полка аквилонского войска.

Неплохо быть другом детства принца, верно? Буквально на следующий день я начал вести постоянный дневник.

Батюшко Хальк всегда был уверен (причем небезосновательно), что я не собираюсь повторить пройденное им поприще книжника. У меня нет достаточной усидчивости, чтобы целыми ее вечерами корпеть над летописью или копаться в старинных пергаментах, ради отыскания в оных удивительных тайн древности. Но вот заполнить несколько страничек дневника, в которых следует описать самые важные события минувшего дня, мне ничуть не лень.

Будет забавно лет через десять—двадцать взглянуть на собственноручно исчирканные переплетенные листочки и вспомнить, как открывалась новая эпоха, не осененная славой короля Конана, единовластно правившего Аквилонией целых двадцать семь лет.

Прямо сейчас, перед утренним разводом караулов в замке короны, я сижу за столом в комнате, которую вместе со мной занимают еще двое молодых гвардейцев из нашего десятка, и пытаюсь не вывихнуть челюсть — донимают зевота и недосып. Чернильница, тетрадь из полусотни тончайших листочек веленевой кожи, переплетенных бурой ниткой, несколько отточенных гусиных перьев на костяной подставке...

На коронацию Конна прибывает множество гостей со всего Заката. Только вчера, ближе к вечеру, заявиллся кортеж немедийского государя Нимеда II — больше сотни дворян, охрана, свита, повозки с подарками.

Светлейший канцлер, герцог Просперо Пуантенский, сбивается с ног, стараясь разместить высочайших гостей с почетом и тщанием, а ведь пока до столицы добрались только Нимед и, выехавший заранее, молодой император Турана Нураддин, правнук легендарного Илдиза Туранского.

Просперо мобилизовал усилия всех государственных управ, попросил у владельцев самых лучших дворцов Тарантии потесниться, временно реквизировал в казну четыре роскошнейших замка, принадлежащих семье Форсеза (то есть наследникам прежнего канцлера Публио, умершего несколько лет назад).

Как прикажете с удобствами расселить эдакую ораву гостей, обладающих самыми требовательными вкусами? Ходят слухи, будто туранец Нураддин сразу потребовал для своей

любимой жены бассейн, наполненный молоком ослицы. Может, это и неправда, но слух показательный.

А ведь скоро прибудут владыки еще десятка государств, король гномов Граскаала, представители Рабирийских гор и еще несколько посланников, представляющих нечеловеческие народы Хайборийского материка. И каждому необходимо выказать должное уважение, подготовить соответствующую пищу (вспомним, что обитателям Рабиров обязательно требуется «к столу» свежая кровь...), и сделать все, дабы восшествие на трон сына самого Конана Канах запомнилось на многие столетия и украсило собой летописи каждой страны.

Наш десяток, возглавляемый деционом-девятником Равальдом, пока что оставался в замке короны — задача Черных Драконов проста: оберегать жизнь и спокойствие короля. Тем более, что Конн за последнюю луну беспрецедентно устал и настолько похудел, что при его крепком, но сухощавом сложении, превратило короля почти в тростинку.

Конна изводят нескончаемые приемы, церемонии вассальных присяг, нудная работа с бумагами и все остальное, что мой отец с оттенком презрения именовал «важными государственными делами», а Конан Канах предпочитал передавать большую часть означенных «дел» на верных соратников, сподвижников и советников. Признаться, я никогда не хотел бы стать королем — очень уж много забот и обязанностей, которые волей-неволей приходится блюсти. Вероятно, по прошествии некоторого времени Конн поступит так же, как и его отец: подберет нескольких умных и честолюбивых людей, способных не столько за страх и награды, сколько за совесть, трудиться на благо государства. Я бы и сам не прочь, но пока не вижу в себе способностей к управлению — мне гораздо ближе именно военная служба, чем скучное бумагомарательство в канцелярии.

Так, записи придется оставить до вечера — меня зовут! Судя по низкому рыкающему и очень недовольному голосу, это наш девятник, Равальд. Вначале пять девятков гвардии построили в одном из внутренних дворов замка — тридцать Драконов и еще два десятка из Полуночного отряда, называвшегося прежде Киммерийским. Конан, примерно двадцать лет назад набрал из своих сородичей «Дикову Сотню», где служили ненаследные младшие сыновья киммерийцев и родственных им по крови обитателей провинции Темра. Потом в варварский отряд стали принимать и нордхеймцев, которые, как ни странно, отлично сдружились со своими давними противниками — горцами. Чтобы никого не обижать, король запросто переименовал небольшой полк, назвав его общим для киммерийцев и нордлингов словом «Нордэк», обозначавшим сторону света, откуда набирались вояки варварского происхождения — «Полночь», или, по принятым на Океане традициям, «Север».

Сотник, вместе с разводящим караулы деционом, сменил охрану в жилом крыле дворца, вызвав заодно мое удивление — сегодня меня не отправили, как обычно, на стражу к покоям монарха, а выделили в пятерку, которой приказали «Ждать дальнейших распоряжений».

Из четырех гвардейцев я был близко знаком только с Гаем из Аттины и бароном Греем — они жили вместе со мной в одной комнате. Кстати, большинство Черных Драконов предпочитают обитать в городе, в своих домах или на хороших постоялых дворах, являясь в замок только на службу. Я же счел, что будет удобнее и спокойнее жить при самом дворце, который в юношеском возрасте был изучен от самого глубокого подвала, до верхних зубцов донжона. Можно считать, что замок короны есть мой родной дом, ибо матушка, госпожа Цинция Целлиг—Юсадль произвела меня на свет именно здесь, на третьем этаже, в покоях отведенных королевскому библиотекарю.

Например, мой нынешний сосед, Гай Аттинский, родился в захолустном поместье Закатной Боссонии и оказался среди гвардейцев Черного отряда только благодаря исключительным качествам бойца: в седле с девяти лет, с тринацати, вместе с отцом — мелким

землевладельцем-дворянином — участвовал в отражении набегов со стороны Пущи Пиктов, и вообще являл собой образец спокойного, уравновешенного провинциала. Гай, не взирая на свои неполные восемнадцать лет вполне заслужил прозвище «Медвежонок» — не очень высокий (три локтя, семь пальцев), зато широченный и редкостно сильный — иные тридцатилетние мужи позавидуют. Заодно Гай обладал всем набором качеств не слишком образованного, но верного человека — честный в любых мелочах, в хорошем смысле недалекий, удивительно дружелюбный и флегматичный. Но если его вывести из себя... О! Тогда я не смогу поручиться за целостность шкуры противника Гая. Так вот, Гай в первые дни службы при дворе умудрился не менее полусотня раз заблудиться в переходах и лестницах замка, а потом утверждал, будто обязательно сумеет найти тропку из самого трясинного болота или глухой чащи, но в каменном лесу Тарантии стоит лишь зайти за поворот — мигом очутишься в западне. Я с трудом научил его ориентироваться в замке, а в город Гай ходил только вместе со мной, не переставая удивляться огромности Тарантии.

Ничего, минует год-другой и он непременно освоится.

— Ротан из Юсдаля, Гай из Аттины! — наконец взревел сотник, поглядывая на пергамент с росписью караульной службы на грядущие сутки. — В личное распоряжение Его величества!

— Ничего себе, — одними губами выдохнул Гай. — Это с какой радости? Я ж короля видывал только издали...

— Тихо... — шикнул я. Посторонние разговоры в строю на парадном разводе чреваты наказанием. — Потом объясню.

Хотя, чего тут объяснять? Я, как приятель короля, частенько получаю приглашения от Конна отужинать в дружеской и небольшой компании — Конн поддерживает традиции отца и ее вечерами собирает в Белой гостиной нескольких друзей, чтобы за кувшинчиком вина и хорошей музыкой менестрелей отдохнуть от дневной суматохи. Единственно, в отличие от Конана, наследник предпочитает не буйную попойку с откровенно противозаконными последствиями (Конан зачастую подзуживал собутыльников пойти погулять ночью по городу. О последствиях таких прогулок я предпочитаю умолчать...), а спокойные посиделки в обществе прекрасных дам и знаменитых тарантийских стихотворцев. Однако, Конн и о делах не забывал.

— Как-то вечером, молодой король тихонько спросил меня, кого из новонабранных осенью Черных Драконов я мог бы порекомендовать?

«Как именно порекомендовать?» — не понял я. Каждый неплох, пусть у каждого есть свой характер, и далеко не всегда приятный. На мой взгляд.

— Как? Понимаешь ли, мой отец всегда мог надеяться на верных друзей и их друзей... Просперо, Паллантид, даже старый и брюзгливый Публио! — очень серьезно сказал Конн. — Я не говорю о прочих приятелях короля Конана.

Помнишь оборотней из Пограничья или нынешнего короля Немедии, которому отец вернул трон и венец законного монарха? Ротан, мы знаем друг друга, почитай с самого рождения. Барон Хальк был самым верным советником папы на протяжении долгих лет...

— Чего ты хочешь? — напрямую спросил я Конна.

Он на миг замялся, откинулся на лоб непослушную челку и наконец, выдал:

— Это одновременный совет отца и герцога Просперо, которому я обязательно последую. Я хочу за год или полтора сбить небольшую команду преданных людей. Людей твоего и моего возраста. Тех, на кого я смогу всегда положиться. При любых, самых печальных обстоятельствах. Своего рода тайный орден, понимаешь? Орден Короны, который будет стоять на страже нашего государства.

— На страже государства стоят армия, тайная служба Латераны... — немного растерявшись, сказал я в ответ. — Разве ты им не веришь?

— Почему, верю... — вздохнул Конн. — Только... Отец как-то говорил, что если бы во времена Полуночной Грозы или войны с Таракском за трон Немедии его поддерживало одно лишь государство, а не маленькая компания единомышленников, от Аквилонии камня на камне не осталось бы. Я склонен верить киммерийскому королю. Просперо состарился, Паллантид и Публио давно в могиле, а настоящим другом я могу назвать только тебя. Остальные заискивают, видят во мне только монарха, а не человека. А я хочу оставаться человеком, как Конан. Поищи, может кто приглянется... И сообщи мне. Неважно кто это будет — дворянин, девица-варварка, утонченная тарантайская красавица, купеческий сынок или даже маг. Помнишь Тотланта? Колдун, стигиец, проклятое племя! И стоит припомнить, что Тотланту король Конан доверял как самому себе... Словом, подумай как следует, Ротан из Юсдаля.

— К сожалению, я целиком и полностью занят на службе, чтобы отдаться поискам верных людей, и за минувшее время сумел отрекомендовать Конну только Гая Аттинского, причем не думаю, что ошибся. Он подходил идеально именно благодаря своим, ничем не замутненным качествам человека, не испорченного интригами больших городов, сладенькой ложью храмовых служителей. А заодно молодостью, жаждущей положить самое себя во благо трона и скипетра аквилонских владык. И врожденной преданностью своему государству, олицетворением которого являлся король. Именно такие простоватые парни до последнего защищали ничтожного Нумедидеса во время переворота, случившегося почти тридцать лет назад. Их честью была верность. До конца. Такое вот объяснение.

Само собой, пока я не стал ничего рассказывать Гаю. Пускай Конн, задумавший создать свой собственный «Орден» присмотрится к парню и решит, сможет Гай войти в число самых приближенных к королю людей или нет.

... Получив приказ, мы вдвоем направились к Мраморному двору замка, откуда обычно выезжал правитель страны и где всегда принимали самых важных гостей — Конн собирал свиту, чтобы выехать за пределы города и лично встретить приезжающих сегодня чужеземных государей.

Едва мы с Гаем представили пред ясные очи верховного церемониймейстера Трона Льва и отрекомендовались, напыщенный старикан глянул в общий список свиты и тотчас поднял крик: почему оба господина гвардейца облачены в обычную дворцовую, но отнюдь не парадную форму?

— Марш переодеваться! Живо!

Выезд короля в город, особенно выезд торжественный, есть зрелище красочное и запоминающееся. Пока церемония выглядит не столь величественно как при Конане — наследник, хоть и получил монарший титул, доселе не обрел регалий, вручаемых в день коронации и не имеет права носить мантию, Большую корону и скипетр.

Король—варвар в свое время поступал оригинально, не считаясь с обязательными правилами этикета. За государем дефилировала наипышнейшее разодетая свита, сияющая гвардия, трубачи-герольды-барабанщики, все в разноцветных дорогих костюмах — эдакий парад тщеславия и роскоши.

А сам Конан, ехавший впереди, блистал донельзя скромным, черным или коричневым нарядом охотника и единственным знаком королевского достоинства являлся высокий золотой обруч, украшающий чело. Таким образом любой наблюдатель прежде всего обращал внимание на короля, который рядом со свитой выглядел бедненько и невзрачно. Однако каждый, увидев варвара, знал: вот он, наш единодержавный правитель!

Конан всегда был хитер. И угадал вернейший способ отличить себя от придворных. Он просто оставался частью народа.

Наследник, в поддержку традиции, нашел возможность выделиться по-своему — Конн, во

время процессий, красовался в черном колете с серебряным шитьем, обозначавшим звание обычнейшего воина гвардии, и только на форменной шапке, вместо положенного дракона, сияла золотом и рубинами пряжка в виде Аквилонского герба — стоящий на задних лапах лев в алом поле, увенчанный пятизубой короной. Лишь после коронации Его величество получит право носить любое одеяние — хоть рушище, хоть драгоценную хламиду Сигиберта Завоевателя — вместе с настоящим венцом Эпимитриуса, дарованным основателем королевства Первым Государям, легендарным Алькою и Олайету.

Сейчас кортеж короля двигался в сторону Речных ворот Тарантии. Дело в том, что незадолго до утренней смены караулов гонец привез в замок известие, подтвержденное затем и дозорными на башнях крепости: вверх по Хороту поднимается небольшая флотилия под полосатыми ало-золотыми знаменами, а на флагманской триере ясно различается вымпел, украшенный Башней Кордавы, королевским гербом Зингары. Очевидно, что пожаловали гости с Полуденного побережья.

Конн взял с собой конную полусотню Алых Пикинеров, заодно короля сопровождали несколько служащих Иноземной управы и Морского приказа, а так же стайка сверкающих всеми цветами радуги герольдов. Посольство дружественной нам Зингары следовало встретить лично. Я и Гай ехали по правую и левую руки короля, что по этикету полагалось особой честью для дворянина. Впрочем, никто не удивлялся — в Тарантии еще не забыли моего отца, барона Халька, и сочли, что должность королевского фаворита теперь стала наследной. Некоторые завидовали, другие просто не обращали внимания на мою скромную особу, а я сам на каждом повороте запускал руку в особый, выданный герольдмейстером кошелек и бросал нищим серебряные сестерции «королевской милости» — очередная традиция.

Конн ворчал, что ежедневные выезды в город могут разорить казну не хуже любой войны. И без всякой милостыни на организацию празднеств уже ухлопали налоговые сборы за четыре последних луны, а то ли еще будет!

— Дело кончится плохо, — вздохнул невыспавшийся Конн, когда я опустошил кошелек, а серебро звонко покатилось по плитам мостовой к ногам восхищенных нищебродов. — После коронации мне наверняка придется закладывать все регалии короны в какой-нибудь оффирский торговый дом, чтобы до конца расплатиться с долгами.

— Поверь, ничего страшного в этом нет, — непринужденно отозвался я, ухмыляясь. — Хальк Юсадаль, некогда, пытаясь свести концы с концами, закладывал орден Большого Льва, и ничего... честь семьи ничуть не пострадала. Кстати, кто сегодня еще приезжает? Кроме зингарцев?

— Король Пограничья Эртель вместе с гномами — нахмутившись припомнил Конн. — И, кажется, часть посольства Офира. Оффирцев встретит Просперо, а нам придется оказывать гостеприимство Эртэлю — все же старый друг семьи и Конана... И грaskaального короля надо уважить, торговля с гномами приносит огромные доходы. Ладно, заканчиваем болтовню. Гляди! Известно, что Тарантия рассечена на две части руслом полноводного Хорота. Старая часть города, вместе с королевским замком и самыми богатыми кварталами стоит на восходном берегу, а старейшее учебное заведения материка, Обитель Мудрости, рынки, и кварталы поплоше — на закатном. Всего через реку перекинуто четыре моста и существует впечатляющий флот перевозчиков. Речных гаваней две — торговая и «Королевская», каждая на своем берегу. Мы, выехав из периметра крепостных стен, как раз оказались на забитой судами парадной пристани столицы.

По распоряжению капитана порта, управляющего этим беспокойным и обширным хозяйством, корабли, принадлежащие аквилонским дворянам прибывшим на коронационные торжества по реке, отвели в сторону, чтобы позволить пристать флоту Кордавы. Подняты

знамена, Алые пикинеры и отряд военных моряков строится в каре, пожилой Мастер Королевских Церемоний вовсю помыкает герольдами и свитой. Государственный этикет — наука исключительно тонкая и для непосвященного загадочная. Где и как стоять монархам, как происходит представление друг другу гостей и хозяев, кому говорить первым, чей гимн играют сначала, а чай — потом. Кроме того с кораблей, сопровождающих огромную триеру монарха надо сгрузить зингарских лошадей, чтобы новоприбывшие могли въехать в город — не пешком же идти? Заодно придется переносить во временную резиденцию множество сундуков с нарядами, посудой, подарками и всеми прочими необходимыми в дальнем путешествии вещами. Существует множество мелких и крупных трудностей, которые обязана разрешить многочисленная армия служек, ходящих под рукой Мастера Церемоний, месьора графа Фулька из Атрены. Граф Фульк при особых обстоятельствах может командовать даже королем — традиции, этикет и куртуазия важнее любого титула. Если монарх — лицо государства, то старый граф — тот человек который это лицо благоугодно гримирует.

Конан, между прочим, зануду-Фулька терпеть не мог, однако слушался: старикан прослужил при дворе почти пятьдесят лет, начинал еще при Вилере, и являлся непревзойденным знатоком старинных уложений о правилах приличия.

— Ваше величество! — Фульк Атренский, очень резво для своих семидесяти пяти лет подбежал к вороному жеребцу Конна, щуганул оруженосца, державшего коня за узду, и сам ухватил поводья своей цепкой морщинистой рукой.

— Король обязан стоять не здесь, а под штандартами и рядом с государственным знаменем! Следует помнить, что как только его зингарское величество и ее величество ступят на сходни, необходимо спешиться и выйти на середину расстеленного ковра. Затем обняться с королем, как с царственным братом, преклонить колено перед королевой...

Конн бросил на меня совершенно несчастный взгляд и буркнул:

— Благодарю, граф, за бесценные советы...

Переместившись, куда положено — под сень выставленных на особых флагштоках парадных знамен — король взглядом подозгал меня и Гая, чем немедленно спровоцировал взрыв ярости со стороны его светлости Мастера. Однако, Конн сдвинул брови и с железной вежливостью процедил:

— Эти двое останутся со мной. Месьор Фульк, распоряжайся не королем, а его подданными.

Граф побледнел от злости, но решил не спорить — Конн был готов вспылить. Редкие вспышки гнева у молодого монарха живо напоминали буйного Конана, с которым никто, включая ближайших друзей, предпочитал не связываться — себе дороже. Впрочем, замечу — Конн гораздо более уравновешенный и флегматичный человек, нежели его знаменитый батюшка.

Таким образом, нашу троицу справа и слева окружал строй конногвардейцев и пехотных моряков, чуть в стороне перешептывалась и прихорашивалась стайка павлинов — свита, назначенная канцлером для встречи зингарцев, готовился оркестр флейтистов и барабанщиков, а тем временем флагманский зингарский корабль подходил к длинной гранитной пристани.

Было на что посмотреть. Общепризнанно, что королевство Золотой Башни является самой мощной морской державой Заката, а кораблестроение в этом государстве есть не ремесло, но искусство — самые быстрые, крупные и надежные суда строятся именно в Зингаре.

Королевская трирема, способная ходить как под парусом, так и на веслах, была настоящим плавучим дворцом. Несколько палуб, тря ряда весел, паруса не белые, как обычно, а темно-багровые, с вытканным изображением герба. Вооружение впечатляло — различались несколько катапульт, особые жерла, в бою извергавшие «зингарский огонь», то есть жуткую горючую смесь

не гаснувшую ни на льду, ни в воде. На корме две баллисты, которые...

А вот этого никто не ожидал. Когда судно, именовавшееся «Король Фердруго I» поравнялось с речной гаванью, все метательные орудия корабля слитно громыхнули и поняли высоко в воздух небольшие темные предметы, разорвавшиеся в небесах с оглушительным хлопком — над рекой полыхнули несколько разноцветных вспышек, образовались клубы сероватого дыма итысячи радужных искр. Следуя завезенной из Кхитая моде, зингарцы решили поприветствовать короля Аквилонии пышным фейерверком.

Для человека непривычного — зрелище устрашающее, если не сказать колдовское.

— Лошадей напугали... — с оттенком недовольства бросил Конн, увидев, как привычные к любому шуму гвардейские скакуны неуверенно затоптались. — Хотя, красиво... Ротан, чтобы не довести старика Фулька до удара, остановитесь в пяти шагах за мной. Когда пойду приветствовать короля. Гай, понял?

Мой молчаливый приятель кивнул.

Наконец, сходни были сброшены. По широким мосткам вначале спустилась зингарская Морская гвардия в великолепной сине-голубой форме и с абордажными алебардами в руках, выстроилась по краю пристани, горнисты протрубыли что-то выразительно-торжественное...

И вот мы узрели королевское семейство Зингары.

Первым шествовал парнишка лет двенадцати — король Селадас Первый, рука об руку с девочкой его возраста и будущей супругой, инфантой Альмерией, дочерью великого герцога Гальфамбра. Вслед за юным государем выступала величественная пожилая дама — вдовствующая королева Чабела Зингарская, легенда Полуденного побережья и самая знаменитая государыня Заката.

Чабеле уже стукнуло пятьдесят пять лет, Селадас был ее единственным и поздним сыном от нелюбимого и невзрачного мужа, принца Оливерро. Великая королева четыре года назад сделала важный для себя и страны политический ход — официально передала трон наследнику, который получил и титул, и корону, а правила страной сама, из-за кулис. Пока Селадас не достигнет совершеннолетия (по законам Зингары — шестнадцать лет) Чабела не собиралась покидать большую политику. Разумеется, она сохранила власть и влияние, но теперь Скипетр Морских королей принадлежал сыну, ибо консервативные зингарцы предпочитали видеть повелителем именно мужчину, пусть и весьма юного. В конце концов, власть принадлежит не человеку, который носит корону и скипетр, а тому, кто знает когда и за какие ниточки дергать.

Я очень много слышал о Чабеле от отца, с которым зингарка была дружна наравне с королем Конаном, и барон Хальк отзывался о ней с самой лучшей стороны. А сегодня увидел ее воочию. Рассказывают, будто в молодости Чабела была писаной красавицей, на которую заглядывались венценосные женихи со всего Заката. Недостоверные слухи разносят смутную весть о том, что зингарка некогда едва-едва не вышла замуж за Конана Канах, однако обстоятельства помешали... Честолюбие этой женщины победило чувства — она предпочитала политику счастливому браку и добилась своего: в наши времена Чабела является эдакой «матушкой» Закатного материка, к ее мнению прислушиваются и в Аквилонии и в Туране, а после смерти мужа-подкаблучника Чабела полностью отдалась родной стихии — интригам, громким (и почти всегда удачным) дипломатическим аферам, а иногда и войнам.

Достаточно вспомнить недавнее морское сражение зингарцев с флотом Аргоса, боровшегося против монополии соседей на морские пути. Чабела командовала флагманским кораблем. И победила.

Как и приказал Конн, мы с Гаем замерли в нескольких шагах за спиной короля, у самой кромки расстеленного на пристани ковра.

— Счастлив приветствовать моего царственного брата, — Конн, высокий почти как отец,

наклонился к малолетнему Селадасу и заключил в объятия. Мальчишка повторил движение, фамильярно хлопнув короля по плечу, и ответил:

— Рад видеть государя дружественной державы в добром здравии, — голос у Селадаса был юношески тонким и немного срывающимся от волнения. Впрочем, сын Чабелы держал себя вполне достойно — сказывалось матушкино воспитание. — Я позволю себе представить мою нареченную невесту, светлейшую инфанту Альмерию...

Конн быстро преклонил колено перед очаровательной девчушкой в жемчужно сером платье, отлично подходившем к ее пепельным волосам и со вкусом подобранным легким украшениям из платины, коснулся губами изумрудного перстенька и сразу поднялся, взглянув на едва заметно улыбающуюся Чабелу.

Ритуал приветствия дамы повторился, но пожилая зингарка мгновенно подняла Конна, взяв его за плечи. Сказала тихо, чтобы не слышали посторонние:

— Здравствуй, Конн. Давно не виделись... Я помню тебя совсем мальчишкой. Боги, прошлое будто возвращается! И наследие твоего отца дает о себе знать. Разве что Конан тридцать лет назад не был настолько тощим. — И королева весьма злоехидно улыбнулась, подмигнув Конну. Тот ухмыльнулся в ответ.

Далее события покатились по накатанной колее. Истошный рев фанфар, взаимные представления, раскланивания и расшаркивания, церемониальный марш гвардии, немелодичные вопли распорядителей.

Два короля, Чабела и маленькая инфANTA стояли под обширным балдахином, приветствуя дворян и военных, а я и Гай торчали позади и левее, не понимая, зачем Конн пригласил нас в гавань. Тут отлично справились бы и без присутствия двух безвестных гвардейцев.

Селадас откровенно скучал, вертел головой, рассматривая стоявшие на реке корабли, и только на парад Альых Пикинеров посмотрел заинтересованно. Конечно, мальчишку его возраста столь долгие и (по моему мнению) почти бессмысленные действия должны утомлять. В целом зингарский король показался мне вполне нормальным парнем, знающим свои обязанности, но в свободное время не упускающим возможности развлекаться так, как делают все прочие дети, не отягощенные короной.

Спустя полтора колокола помпезное торжество подошло к логическому финалу — подозреваю, встречу специально затянули, чтобы выгрузить с сопровождающими триеру галер карету ее величества — на пристань въехало ужасное вычурное сооружение, запряженное четверкой, а заодно вывели королевского коня. Чабела вместе с инфантой и двумя фрейлинами предпочли ехать в раззолоченном и пестрящем гербами экипаже, камердинер подсадил короля Селадаса в детское седло, красовавшееся, впрочем, на высоком жеребце соловой масти и взял коня под узду. Монарху-мужчине разъезжать в карете неприлично.

На высочайших гостей собралось посмотреть полгорода — обыватель любит зрелища. Можно обсудить наряды иноземных красавиц, восхищенно поцокать языком при виде Морской гвардии Зингары, блестящей неимоверным количеством нашитых на парадные костюмы сапфиров, синих аметистов и жемчугов нежно-голубого цвета, восхититься щедростью гостей, тоже не забывающих одаривать толпу серебром, и, наконец, всласть поорать:

— Да здравствует король! Слава королеве!

Селадас ехал рядом с Конном, не уставая разглядывать тарантийские диковины и достопримечательности — наследник Чабелы оказался бойким мальчишкой. Конн, не допуская в голосе ни единой нотки снисходительности, обычно присущей взрослым при общении с детьми, старательно давал пояснения.

— А это что такое? А почему памятник не черный, а зеленый? — тарахтел Селадас, изредка протягивая руку и дергая Конна за рукав колета, — А сколько тут живет людей? Наверное,

много! А почему на той башне синее знамя? А это кто?

Наш король повернулся в сторону, куда указывал «царственный брат» и невольно поморщился. Внимание Селадаса привлек один из самых отвратительных монументов Тарантии, некогда подаренный благодарными жителями города Конану-киммерийцу.

Бронзовый варвар громоздился на высоком мраморном постаменте, сжимая в одной руке гигантский меч, другой полуобнимая спасенную девицу, каковая аллегорически изображала Аквилонию. Ну, и поверженный дракон у ног, само собой...

Конан, увидев «подарочек» пришел в ужас и едва не приказал снести донельзя безвкусное сооружение, но канцлер и Хальк Юсдаль отговорили — нельзя, мол, обижать подданных, они хотели как лучше... Словом, памятник остался.

— Это мой отец, Конан Канах, — коротко ответил король.

— Ой, а он, правда, убил дракона? Матушка про Конана много рассказывала, только я не верил!

И так далее. Конн вздохнул с облегчением, когда увидел впереди главные ворота замка — Чабеле, женщине безусловно уважаемой, выделили покой в самом королевском дворце. Прежде там жила безвременно почившая королева Зенобия, а теперь должна была разместиться свита зингарской монархии. Странно, но все и каждый по-прежнему воспринимают Чабелу именно как правящую королеву, а вовсе не как «вдовствующую» регентшу. Такова уж многолетняя привычка.

— Ротан! — король обернулся перед самым въездом в арку, отделявшую площадь Короны от внутреннего двора замка. — Через два колокола буду ждать тебя вместе с Гаем в Белой гостиной, как обычно... Оденьтесь приличнее, но не в форму гвардии — прием неофициальный.

— Через два колокола? Это как раз в полдень.

Если король приказывает — выполняй!

— Хоть кол мне на голове теши, не пойму, зачем я понадобился его величеству, — не уставал ворчать Гай, когда мы вернулись в нашу комнатку в Полуденном крыле дворца. — С тобой все ясно — сын бывшего летописца и тайного советника, приближенного к старому государю, а я кто такой? Неотесанный мужлан из боссонских топей!

— Не преувеличивай, — отозвался я, расстегивая бесчисленные пуговицы и крючки парадного колета, бывшего очень красивым, но не особо удобным. — Если я — друг короля, а ты — мой друг, то напрашивается очевидный вывод:

Конну просто наскутила стариковская компания. Все эти советники, секретари и прочие прихлебатели, оставшиеся едва не со времен позапрошлого царствования. Думаю, Конн собирается подбирать себе надежных людей и обновить прежнюю свиту свежими людьми с незатуманиенным разумом...

Гай только хмыкнул. Он считал себя обычнейшим рядовым гвардейцем, не представляя свою персону в более значительной роли. А я, зная истинную подоплеку приглашения Конна, не хотел заранее обнадеживать или пугать Гая возможными перспективами. Рано или поздно сам разберется. Если вспоминать расхожую поговорку, гласящую об изменчивой, как морская волна милости королей, то я могу сказать одно: эта мудрость к Конну неприменима, благо он навсегда запомнил поучения отца-киммерийца, утверждавшего, что дружба и верность вечны, а изменять дружбе первым — позор для мужчины. Именно благодаря данному постулату у варвара всегда было много самых надежных друзей, неоднократно помогавших Конану выкрутиться из самых неприятных ситуаций.

— Пойду прогуляюсь по дворцу, — сказал я Гаю, переодевшись. Каждый обитатель нашего своеобразного общежития, отведенного гвардии хранил в своем сундуке как минимум три смены придворного платья, и это не считая гвардейской формы. — Встретимся в Белой гостиной. Гай,

умоляю, не делай такой вид, будто тебя ведут на эшафот! Король не ест людей, а предпочитает мясо вепря...

Оставив расстроенного внезапно свалившейся на голову монаршей милостью Гая в одиночестве, я спустился в хозяйственный двор, миновал конюшни и титаническую, пыщущую огнем десятков жаровен кухню, прошел по галерее, ведущей к королевским покоям. Собратья-гвардейцы, стоящие на караулах провожали меня краткими, заинтересованными взглядами — с чего вдруг барон Ротан Юсдаль разгуливает посреди ясного дня в партикулярном облачении, когда все остальные на службе?

Зная, что Конн, как и король-варвар, недолюбливает вычурную роскошь, я оделся в простой, но добротный темно-зеленый колет из крашеной замши. Единственное и непременное украшение — родовой герб на груди, вышитый золотой нитью, поддерживающей мелкие самоцветные камни. У левого бедра меч, на поясе справа — кинжал. Круглая шапка с ниспадающим на плечи шарфом, подходящая в цвет к костюму. Скромно и красиво. А главное — удобно.

Замок Короны огромен. Человеку незнакомому с его бесконечными лабиринтами, обустраивавшимися не одну сотню лет, он покажется настоящим городом в городе (что и произошло на первых порах с Гаем). В укрепленном дворце расположены не только жилые помещения и приемные залы, но и множество помещений для отдыха, складов, устроенных «на черный день» и случай осады, конюшни, бани-термы, маленькие храмы для почитателей признанных в Аквилонии культов, темницы, само собой...

Затем следовали сокровищницы, кордегардии, канцелярии казначейского и военного ведомств, отдельный этаж Закатного крыла занимал светлейший канцлер Просперо, с толпой служащих своего разветвленного департамента, а на самом верху раскинулись обширнейшие владения много лет принадлежавшие моему отцу — библиотека. Сейчас этим обширным хозяйством командовал ничуть не похожий на ученого мужа сорокапятилетний высоченный здоровяк по имени Эйвинд из Райты, почти три десятка лет прослуживший у барона Юсдаля помощником и унаследовавший от Халька сию хлопотную должность.

— Тетушка, давайте пойдем туда! — я обратил внимание на писклявый детский голосок, раздавшийся в одном из главных коридоров живого крыла. — Там птички, я хочу посмотреть...

Ага, понятно. Маленькая зингарская инфанта, сопровождаемая сразу тремя почтенного вида дамами, тащила своих «тетушек» к открытой арке, ведущей к висячим садам — маленькому чуду света, скрытому в необозримых недрах замка. Действительно, в этом рукотворном раю, часть которого виднелась сквозь высокий проход, любой ребенок мог бы увидеть самых великолепных птиц и животных, собранных со всего континента и поиграть с безобидными зверьками, наподобие бесшерстных стигийских кошек, прирученных ласок и маленьких ланей, вкупе с важными говорящими попугаями из Дарфара.

Отлично, гости, едва устроившись, начали обследовать дворец. Уверен, они здесь не соскучатся!

Когда пепельноволосая малышка вместе с разряженными наставницами скрылась за поворотом, я обратил внимание на шум, доносящийся из окна, ведущего в нижний двор, отведенный для военных игр. Вот вам и Его величество Селадес — во всей красе. Парню, видать, захотелось размяться после долгой церемонии в гавани и еще более долгого путешествия на корабле.

Отлично знаю этот дворик — давным-давно именно здесь Конан Канах шпынял меня и Конна, вместе с сыновьями герцога Просперо и Паллантида, обучая начаткам искусства боя на клинках. Несколько созданных нашими умельцами механических чучел-противников, старающихся поразить тебя тупым оружием, в твоем распоряжении всегда мастер —

фехтовальщик, способный научить неожиданным ударам, целая коллекция самого разнообразного вооружения, отгороженная стальной сетью площадка для стрельбы из лука и арбалета с движущимися мишенями...

Конан все предусмотрел, включая даже обучение работе с редкими в нашей стране метательными звездочками-шурikenами.

Селадас увлеченно пытался поразить деревянным клинком вышедшего против него взрослого алебардщика, умело отбивавшего удары Древкомсвоего тяжелого оружия, но упрямый зингарец не сдавался, а вовсю наседал на высокого и сильного мужчину. Похоже, из юного короля выйдет толк — настойчив и не трус.

Неподалеку — пожилой камердинер и двое Морских гвардейцев — телохранителей. Смотрят на короля понимающе. Владеть оружием в наши сложные времена следует учиться с детства.

Пока я бесцельно шлялся по дворцу, натыкаясь то на наших придворных особ, то на удивленных грандиозностью замка гостей, прошло много времени. Только когда на донжоне отбили одиннадцать ударов большого колокола, а его гул подхватили звонари, мелодично указавшие, что до полудня осталось всего одна терция — четверть колокола — я встрепенулся, поднялся по одной из боковых лестниц наверх, и предстал перед караулом, охранявшим проход в личные покои короля. И, о, ужас, возглавлял караул мой собственный десятник, месьор Равальд. Тут же скучали два весьма широкоплечих молодых человека, на физиономиях которых лежал отчетливый отпечаток родного ведомства — Латераны, тайной службы.

— Так-так... И куда настойчиво стремится досточтимый барон Юсдал? — осведомился децион, восседавший за небольшим столиком на гнутых ножках. — Почему в гражданской одежде? Барон, неужели положение о гвардейской службы тебя не касаются? Любой Черный Дракон обязан, находясь в пределах замка, носить предписанную форму одежды гвардии... Объяснения последуют?

Едва я раскрыл рот, чтобы гордо заявить Равальду о личном приказе короля, как из-за угла появился Гай, тоже отнюдь не блеставший черным с серебром мундиром гвардии. Одежда еще скромнее моей (хотя сам Гай, как провинциал, полагает оную едва ли не парадной).

— Ага, вот и месьор Гай Аттинский... — с нехорошим смешком процедил Равальд, заставив Гая, вечно смущающегося в присутствии начальства, вытянуться, как на плацу. Видимо, дециона не предупредили, что его подчиненные приглашены к государю. — Подойдите оба!

Спасение, как всегда, пришло неожиданно — двери покоев открылись и оттуда выглянул сам канцлер — герцог Пуантенский Просперо.

— Юсдал? — взгляд его светлости сразу упал на меня. — Ротан, отчего задерживаешься? Все давно в сборе. Сам пришел проверить...

Десятника как пружиной подбросило с кресла, а простые гвардейцы гранитно застыли.

— О, ваша светлость, я не предполагал... — заикнулся Равальд, однако нарвался на укоризненно-безмятежный взгляд седого канцлера и мигом скис.

— Пропустить обоих, — распорядился Просперо. — Ротан, отчего стоишь? Бери в охапку своего приятеля и пойдем. Король ждет.

Меня и Гая десятник проводил понимающим взглядом. Если эти двое приглашены, значит, король к ним благоволит. Наверняка впредь Равальд будет более осторожен. По крайней мере в отношении нас двоих.

Расположение комнат и коридоров, двадцать семь лет назад выбранных Конаном в качестве изолированного от остального дворца жилища короля мне знакомо лучше, чем отцовская библиотека. Я тут бывал ежевечерне. Повернуть налево — очутишься в спальне короля и гимнастической зале, потом будет дверь в кабинет. Пойдешь прямо — окажешься возле нескольких гостиных комнат и малого кабинета, где хранился личный архив монарха и часть его

оружейной коллекции.

Мы пошли прямо, к небольшому, очень уютному зальчику, именовавшемуся Белой гостиной — мрамор, мебель обита шелком всех расцветок жемчуга, приятное освещение, причем не свечное, а идущее от проложенных через перекрытия верхних этажей световых шахт — солнечные лучи направлялись сюда особыми зеркалами, установленными на крыше. Бассейн с полупрозрачными водорослями и рыбками — только не обычными золотыми ублюдками, жадно хватающими воздух, а небольшими серебряными хищниками, обитающими в реках Куша и Дарфара.

— Ротан, Гай! — едва мы втроем, под водительством Просперо, вошли в зал, король сразу поднялся и направился к дверям, всем видом давая понять, что правила этикета на время следует забыть. Гай едва не повалился на правое колено, но я его удержал. — Заходите. Давайте спокойно пообедаем.

Спокойно пообедать предполагалось в обществе самого короля, Просперо, и некоей весьма знатной дамы. Дама одевалась по-домашнему — чудесная темно-синяя стола с вышивкой, небольшая сапфировая диадема, мерцающая в тронутых сединой волосах и простые сандалии. Вдовствующая королева Чабела Зингарская, собственолично!

— Вот, прошу познакомиться, — Конн несколько смущенно представил нас повелительнице Моря и Суши. — Это мои друзья. Ротан Юсадаль и Гай из Аттины.

— Я рада, — чарующе улыбнулась пожилая женщина. — Молодые господа, присаживайтесь рядом со мной. Я всегда больше любила мужское общество, нежели скучную свиту придворных матрон. Ротан, я счастлива познакомиться с сыном месьора Халька — жаль, что мы не виделись прежде. Кстати, Конн, Ротан, я совсем недавно имела честь встречаться с вашими достойными родителями...

— С кем? — в голос вскричали я и король.

— С прежним королем Аквилонии Конаном Канах и месьором Хальком, бароном Юсадалем, — уверенно подтвердила Чабела. — Немногим меньше одной луны назад. В Кордаве. Они нанесли мне прощальный визит. Во имя Митры, не делайте такие большие глаза — я обязательно все расскажу!

Просперо уселся в кресло и сам налил из кувшина в свой кубок, мимолетно подтолкнув Конна. Тот опомнился:

— Папа говорил, будто твоё любимое вино, о, прекрасная королева, производится в Шеме, на Либнумских холмах?

— Конн, будь проще, — слегка поморщилась Чабела. — Считай, что я не чужестранная коронованная гостья, а твоя мать. Признаться, я могла бы стать ею... Очень давно. Месьоры, приступим к обеду, за едой и говорится лучше. Между прочим, если с Ротаном я знакома понаслышке и отлично знала самого барона Халька Юсадала, то могу ли я осведомиться о достославном Гае Аттинском?

Гай побагровел до корней волос, а мне пришлось пуститься в объяснения...

Спустя полколокола Гай пил наравне со всеми, смеялся и полностью оставил ненужное стеснение. Чабела всегда была великой умелицей расположить к себе людей.

Даже таких суровых и независимых как король Конан Канах. Не говоря уж о нас, простых смертных.

паника во дворце, а двое гвардейцев

отправляются в подземелья

Аквилония, Тарантия

Тот же день, ближе к закату

Королевский замок Тарантии может похвастаться редкостной достопримечательностью, каковая не относится к архитектуре, сокровищам или старинным произведениям искусства, хотя бы потому, что этот уникум — живой. Нет, не подумайте, это создание вовсе не обитает в королевском зверинце и не украшает собой висячий сад, это не собака или лошадь редкостной породы, не ямурлакский грифон, не оборотень Пограничья, не прирученный василиск, не гарпия и не дракон.

Фрог — человеческое существо. Между прочим, его полное имя украшается титулованием «ваша светлость». Фрог имеет дворянское звание, происходит из знаменитой пуантенской семьи графов Логанов, имеет право носить церемониальный меч и фамильные гербы, однако этого не делает. Не делает по причине весьма банальной — Фрог является королевским шутом.

Если быть откровенным и точным, то в замке короля нет такой должности: «шут Его величества». В начальные дни своего царствования Конан Канах решил, что достойным людям не след потешаться над человеческими уродствами или выходками слабоумных, отчего несколько карликов и идиотов, оставшихся варвару в наследство от Нумедидеса, были раздарены придворным со строгим приказом: никогда не привозить шутов во дворец. И тогда же бережливый Публио упразднил статью расходов канцелярии, отвечавшую за прокорм стайки дурачков. Новая традиция поддерживалась много лет, пока два года назад в замке Тарантии не появился Фрог. Как, почему и ради какой прихоти Конан обратил внимание на Фрога, осталось загадкой. Несчастный отпрыск графского дома Логанов Пуантенских выглядел жутковато: рост четыре с половиной фута (мне — чуть выше пояса), кривой горб, нависающий над огромной круглой головой без шеи, длиннющие руки с паучьими тонкими пальцами и наконец заячья губа превращающая и без того непривлекательное лицо в редкостное безобразие. Словом, уродище каких поискать.

Но! Фрог (кстати, это не имя, а им самим выбранное прозвище, На самом деле Фрога звали благородным и древним именем — Атаний) превосходил каждого обитателя замка в искусстве насмешки, как беззлобной так и откровенно издевательской. А самое главное — Фрог был очень умен.

Природа, как утверждается, не терпит пустоты, и я согласен с этой поговоркой. Приходилось видывать и писаных красавцев — герцогов, одновременно являющихся трагическими глупцами, и прыщавых бледных канцеляристов, на которых не взглянет ни одна уважающая себя женщина, тянувших на себе неподъемный груз управления страной, являя благоразумие, достойное короля Сигиберта Великого. Так вот: Фрог, отвратительный карлик, сам себе присвоивший титул королевского шута (доселе не введененный официально), умудрился за краткое время завоевать расположение и Конана, и его наследника, незаметно превратившихся в одного из негласных королевских советников.

Я рассказал о Фроге настолько подробно оттого, что горбун сыграл одну из главных партий в событиях нынешнего дня.

Мы сидели в Белой гостиной и болтали с зингарской королевой о новостях политики, отгремевших войнах и торговле. В основном говорили Конн и сама Чабела, я поддакивал, пытаясь разобраться в хитросплетениях политических лабиринтов, Гай с видом независимого молчаливого провинциала налегал на шемское вино «Либнум», а Просперо с покровительственной полуулыбкой наблюдал за всеми нами, вставляя редкие замечания.

— Между прочим, я обязана передать всем приветы от барона Халька и некоего Конана Канах, — Чабела после целого колокола разговоров о том, о сем, но в основе о высоких материях, наконец-то затронула немаловажную для меня и Конна тему. — Конан навестил меня в Зингаре, попрощался и отбыл... Удивительно, насколько быстро он перестал быть королем и вернулся к образу бесшабашного бродяги! И это в его возрасте!

— Можно подробнее? — попросил Конн.

Понимаю его интерес. Король-варвар после отречения задумал нечто весьма необычное. Я помню, как Конан сказал моему отцу, будто устал от мира и хочет уйти за грани Хайбории, но это вовсе не означает обычную смерть. А мой батюшка, как человек склонный к авантюрам и старинный друг киммерийца, не долго думая бросился вслед Конану, о чем и известил меня письмом отправленным из маленького приграничного городка в Пуантене.

Теперь оказалось, что оба престарелых любителя приключений встретились в Кордаве, приобрели корабль, наняли команду отпетых головорезов из числа королевских корсаров Зингары и благополучно отправились в неизвестность, а именно — на Закат. Что они там возжелали найти — уму непостижимо. Не иначе — остатки Атлантиды.

— Уверена, с ними ничего плохого не случится, — закончила краткий рассказ Чабела. — Я инкогнито наведалась в гавань, взглянуть на судно и команду, которыми теперь командует Конан. Экипаж великолепен — такие рожи, что за Конана и Халька я спокойна. Да и карак всего лишь прошлого года постройки, аргосский кедр, мачты из рабирийской сосны, такелаж выделан в Шеме! Отличная счастье. Как королева побережной державы, в кораблях и морском деле я обязана разбираться, некогда сама командовала галерой, много лет назад... Вот, собственно, и вся история. Конан выглядел исключительно таинственно, если не сказать — заговорщицки. Уверена — варвар задумал некую сногшибательную авантюру. И Конан просил передать всем вам: бывший король уже не вернется. Никогда.

— Это было ясно с самого начала, — подал голос Просперо. — С той поры, когда полгода назад Конан сообщил мне о задуманном отречении. Не знаю вашего мнения, но, кажется, король был прав: если ты устал и хочешь уйти — уходи. Не неволь себя. Любой труд, даже королевский, не может быть подневольным.

— Ой, не надо глупых философствований! Если бы тебе предложили подневольно покоролевствовать, то согласие было бы получено раньше, чем наниматель предложит условия сделки! Да что — ты! Я и то соглашусь без лишних просьб! Корона мне наверняка к лицу!

Мы обернулись на новый, тонкий и трескучий голосок.

Если обитатели тарантийского дворца к этому зрелищу привыкли, то Чабела едва не поперхнулась долькой апельсина.

Фрог вошел тихонько и неслышно, из боковой двери. У шута была редкостная особенность — он умудрялся появляться и пропадать незаметно, словно из воздуха, а передвигался тише самой осторожной мышки.

Вероятно, карлик подслушивал беседу долго — залез в дальнее кресло и сверкал оттуда точками глубоко запавших малюсеньких глазок болотно-зеленого цвета.

— Вот ответьте, прекрасные месьоры и милая, но старенькая дамочка, — Фрог слез с

сидения и проковылял к столу. Прихватил персик, надкусил, поморщился и отбросил на блюдо короля. — Ответьте, Конн кто-нибудь спрашивал, хочет он быть королем? Конн, тебя спрашивали? Вот—вот! Он родился принцем, а значит, обязательно должен быть королем! Это подневольно или как? Вдруг Конн хотел быть магом, наемником или, к примеру, содержателем борделя? Но судьба отказалась: подавись папашиной короной и таскай ее до конца жизни! Я не прав?

— Это кто такой? — выдавила Чабела, изумленно рассматривая безобразного горбуня, облаченного, правда, не в цветастый шутовской наряд, а в темно-коричневый балахон с вышивкой черной шелковой нитью. Бесформенное мрачное одеяние делало Фрога еще непривлекательнее. Картину завершали круглая багровая шапочка плотно облегавшая голову и длинный зуб, поблескивающий в глубине щели заячьей губы.

— Я — это Фрог, а Фрог — это я, — наплевательски поморщился карлик. — А ты, морщинистая тетушка, наверняка большая шишка? Ах да, судя по безвкусному наряду — королева? Надеюсь, не аквилонская? Зачем нам королева, когда короля не прокормить и не пропоить?

— Потому, что все золото уходит на прокорм шута? — едко сказал герцог Пуантенский и взглянул на приподнявшую брови Чабелу. — Не обращай внимания, госпожа. Это маленькое стихийное бедствие, поразившее наше злосчастное государство — единственный в своем роде самозванец. Никогда не встречал упоминаний о самозванных шутах.

— Да, по сравнению с самозванными королями, я — это редкость. Вспомним хотя бы Конана!

Фрог походя отразил словесное нападение герцога, бесцеремонно подвинул меня на низком диванчике, вскарабкался и уселся рядом. Покопался в складках балахона, извлек глиняную бутылочку, дотянулся обезьяней рукой до чистого бокала и налил туда самого обычного молока. Пояснил:

— В отличие от вас всех, умный Фрог бережет здоровье. Если король может позволить себе пьянство, то шут — никогда.

— Это почему? — удивился Конн.

— Потому, что в противном случае некому будет править государством.

— Как так? — усмехнулся Просперо.

— Да вот так. Меня, в отличие от короля — Даже самого пьяного! — никто не воспринимает всерьез. Пока государь с приближенными валяются под забором и горланят песни, я трезво управляю страной. А меня, маленького, никто не замечает! Да здравствует Фрог Первый, незаметный король Аквилонии!

Карлик торжественно поднял бокал с молоком и выпил.

— Эх, Конн, не завидую я тебе, — сразу же продолжил рассуждения Фрог. — Ты доселе не осознал, в коровью лепешку каких немыслимых размеров вляпался. Я рассказывал тебе историю о появлении на свет Закатного материка?

— Ничего подобного не слышал! — заинтересовался король, зная, что большая голова шута вмешает бесконечное количество коротких, но занимательных рассказов. — И как, по твоему мнению, возник наш континент?

— Очень просто! — Фрог откинулся на спинку дивана и начал повествование тоном записного скальда:

— Много тысяч лет назад боги решили, что великий остров, Атлантида, им больше не нужен и утопили его вместе с городами, жителями и даже вместе с шутом тамошнего короля. Верное решение, особливо насчет шута... Однако, некоторые атланты получили от жрецов предупреждение о грядущей катастрофе, немедленно построили корабли и вышли в море, взяв с

собой лошадей, коз, коров и другую домашнюю скотину. Скотина, понятно, пожирала запасенное сено и тотчас возвращала его природе в виде навоза. Вскоре уцелевшие атланты начали захлебываться в звериных нечистотах и однажды решили вычистить корабли. Много дней они выбрасывали навоз за борт, пока из него не образовался огромный плавучий остров. Атланты отправились дальше и судьба их белоснежных парусников мне неизвестна, а вот остров... Остров пристал к торчащей из океана горной вершине, покрылся травкой, деревьями, там завелись животные, птички... А спустя много лет туда пришли хайборийцы и стали на острове королями. Теперь понимаешь, о, король, чем именно ты правишь?

Чабела откровенно фыркнула и сказала:

— Любопытная сказочка. Но в чем мораль?

— Разве не догадываешься? — хихикнул горбун. — Как называется человек, владеющий огромной кучей деръма?.. Как угодно, но только не королем! Может, коронованным золотарем?

— Убирайся вон, дурак! — негодующе рявкнул пуантенский герцог, а Фрог лишь руками всплеснул. Воскликнул с разочарованием:

— И почему люди, говорящие правду в глаза, вечно гонимы? Чабела, возьмешь меня к себе в шуты? На государственное жалование? Обещаю, буду, как и всегда, правдивым! Или королева Зингары тоже предпочитает выслушивать от приближенных лесть, ложь и сладостные измышления?

— Предпочитаю, — серьезно кивнула Чабела. — Так устроены все монархи нашего... нашего прекрасного материка. От почвы не оторвешься, верно?

— Я решил, что пожилая властительница Побережья отнюдь не лишена ядовитенького чувства юмора.

На том неофициальный обед был завершен — Чабела отправилась в гостевые покои, Конн отпустил меня и Гая, сказав, чтобы к третьему колоколу мы были готовы сопровождать короля на встречу посольства Пограничного королевства. Просперо удалился в свою канцелярию, а злозычный Фрог канул в глубины дворца — подсматривать, собирать сплетни и доводить придворных до белого каления своими непринужденными замечаниями.

Впрочем, не будь в нашем замке этой горбатой разговорчивой диковины, жизнь казалась бы куда более скучной.

От своего отца я слышал, будто неприятности никогда не приходят тогда, когда их ждешь, а сваливаются на голову с неожиданностью летнего шквала.

Теперь я склонен согласиться с выводами барона Халька.

Предполагается, что королевский дворец является наиболее охраняемым зданием в столице. Сравниться с ним могут только Государственное казначейство и знаменитая Железнная башня — тюрьма для самых опасных преступников. Во дворце стражу несет элита гвардии, тайная служба, личная охрана короля, не подчиняющаяся никому кроме самого государя, а еще тихари из ведомства канцлера Просперо, ищущие от армии и приказа городской стражи — всех не перечислишь! При этом каждый знает свои обязанности и подстраховывает всех остальных, сведения стекаются к начальникам караулов и в дворцовое управление Латераны, после чего делается доклад коменданту крепости, а уж он отчитывается перед королем.

И все-таки эта орда охранителей короны проморгала несчастье, о котором нормальному человеку даже помыслить нельзя было! Наверное, поэтому доблестные гвардейцы и хлопали ушами — никто не может предположить, что из замка Тарантии может бесследно исчезнуть человек! Однако, по порядку.

Я никогда не видел Фрога таким взъерошенным и разгневанным. Карлик ворвался в нашу комнатушку будто летучая мышь в форточку — глазки пылают недобрными огоньками, непременная темно-багровая шапочка сбилась на бок, явив спутанные бесцветные волосы,

изуродованные губы приоткрыты, обнажая некрасивые и длинные кроличьи зубы. Ни дать, ни взять — маленький злобный демон.

— Ротан! — взвизгнул горбун, метнув на меня ледяной взгляд. — Хватай своего дружка — и бегом к королю! Не переодеваться! Живее, бестолочи!

Гай, полулежавший на жесткой койке с томиком куртуазных стихов, приподнялся на локте и недоуменно глянул на меня. Я ответил пожатием плеч.

— Да в чем дело-то?.. — не понял я Фрога, отчетливо смахивавшего на раздувшуюся от злости коричневую жабу. Шут напыжился и продолжил визгливо орать:

— Какая разница, в чем дело! Весь дворец стоит на ушах, словно под стены явилось войско пиктов, поздравить Конна с восшествием на трон и отметить такое дело славной битвой!.. Надевайте сапоги!

Мы с Гаем, оставаясь в полном недоумении, вылетели в коридор и рванулись к королевским покоям. Фрог бесшумно скользил рядом, развивая немыслимую для его тщедушного тела быстроту — коротышка-шут бегал едва ли не быстрее здоровенного и выносливого Гая.

А во дворце действительно было неспокойно.

Спешили куда-то профессионально наспленные месьоры в темно-синей одежде «королевских служителей Тронных церемоний» — сиречь конфиденты нашей неприметной тайной службы, Латераны. Я углядел, как двое таких «служителей» увлеченно расспрашивали начальника одного из караулов о чем-то весьма неприятном: незнакомый децион Изумрудных кирасир разводил руками, краснел и запинался. Стражу почему-то усилили. Иностранцев возле покоев короля не заметно — вежливо попросили не показываться из своих комнат.

Вот и кабинет Конна. Фрог змеино шикнул на Черного дракона, попытавшегося загородить дорогу горбуну, толкнул тяжелый притвор, пропустил нас вперед и столь же быстро затворил раззолоченную дверь.

М-да, зрелище печальное.

Багровый, как вареный рак, и очень недовольный всем сущим Конн выслушивает начальника дворцового департамента Латераны, графа Арделло. Здесь же находятся донельзя смущенные офицеры гвардии, отвечавшие сегодня за охрану дворца. В кресле, около стола короля, сидит заплаканная королева Чабела и теребит скомканный платочек цвета морской волны.

Мой бесценный отец, Хальк Юсдаль, наверняка описал бы в летописи данную сцену таким образом: «в воздухе царит неуловимая атмосфера зловещей тайны». Иных слов и не подберешь. Что такого страшного могло произойти за неполные два колокола, миновавшие с нашего прощания в Белой гостиной? И какое невероятное событие могло довести до слез саму королеву Чабелу Зингарскую?

Мы остановились у входа, чтобы не мешать. Прислушались к сбивчивым словам графа Арделло.

— Государь, покинуть дворец незаметно просто невозможно! — с убежденностью в голосе уверщевал Конн граф. — Никто не сумеет пройти через четырнадцать караулов гвардии, Латераны и городской стражи! Я уже собрал все доклады — мальчика не видели у ворот дворца, периметр внутренних караулов он не покидал, внешняя стража уверяет, что ребенка с приметами короля Селадаса у ворот не видели. Его величество находится в замке. Это неоспоримо. Мы проводим тщательный обыск всех помещений. В конце концов, король Зингары мог просто заблудиться — дворец очень велик и человек, впервые оказавшийся тут, не всегда сумеет найти дорогу без посторонней помощи.

Я непроизвольно покосился на Гая, а тот ответил понимающим взглядом. Как все знакомо! И как неприятно! Если Селадас Зингарский, сын Чабелы потерялся в замке... Конечно, в этом

случае его рано или поздно найдут. А если не потерялся?.. Мальчишку не так уж сложно похитить! Однако, сложнее другое — похищенного требуется немедля вывезти из дворца. А это дело рискованное.

— Мы проверили — все подданные ее величества Чабелы на месте, никто не пропал, — продолжал докладывать граф Арделло. — Сейчас мои подчиненные выясняют, сколько людей приехало в замок после прибытия зингарской миссии, когда отбыли, и не заметила ли стража необычностей... Допрашиваются караулы. Если эти действия не дадут результатов, я переверну замок вверх дном в течение ночи.

— Хорошо! — сквозь зубы бросил Конн. — Идите месьоры, возьмитесь за работу. Полагаю, казна недаром платит вам жалование. Ротан, Гай, Фрог... Останьтесь. И ты, о. королева. Эй, стража! Пригласите камердинера короля Зингарского!

Гвардейские офицеры и граф быстро исчезли за дверьми, на их месте появился то самый пожилой господин, на которого я обратил внимание в гавани и позже, на ристалищной площадке замка. Воспитатель и камердинер Селадаса был немедленно отрекомендован бывшим капитаном флота Зингары, месьором Корралесом.

— Это мои близкие друзья, — Конн указал седому капитану на меня и озадаченного Гая. — Почтеннейший, расскажи, как было дело. Они могут серьезно помочь в розысках, благо Ротан, барон Юсадаль, знает дворец как свои пять пальцев. Чабела взглянула на меня с надеждой.

Капитан, по-морскому четко рассказал (наверное, уже в тридцатый раз, учитывая беседы с легкими на подъем блюстителями Латераны).

... После занятий на ристалищном дворе малолетний король Селадас попросился, простите, в уборную. Куда и был препровожден под надзором камердинера и двоих телохранителей из Морской гвардии, оставшихся у дверей. Однако (вот непростительная ошибка!) последние не выяснили, что из нужника второго этажа замка есть два выхода — в другую дверь Селадас и ускользнул, чтобы, вероятно, избавиться от докучливого надзора учителя.

— Такое случалось и прежде, в Кордаве, — преувеличенно спокойным голосом дополнила Чабела. — Капитан Корралес строг, а мальчишке далеко не всегда нравится твердо установленный порядок. Я не склонна потакать прихотям Селадаса и полагаю капитана самым достойным учителем короля. Поэтому я всегда наказывала наследника за подобные выходки... Селадас вновь решил самовольничать, и вот результат — как сквозь землю провалился!

— Не совсем так, — хмуро сказал Конн. — Парня видели на этаже, затем он спустился во двор, миновал кухню... Его пропускали — внутри замка гости имеют полное право гулять, где вздумается. На Малой кухне Селадаса угостили пирогом с вишнями, затем, по уверениям поваров, мальчишка направился в Полуденный коридор и именно там исчез бесследно. Граф Арделло проверял — из коридора Селадас не выходил, а единственный вход в подвал замка ведет в тупик, к складам. Ротан, какие соображения? Помниться, в детстве мы обшарили весь дворец, от конька крыши до входа в катакомбы. Я теряюсь в догадках.

— Боги... — я похолодел. — Конн, можно поговорить с тобой отдельно?

— Нет уж! — поднялась Чабела, заметившая, как изменилось мое лицо. — Ротан, ради нашей дружбы — рассказывай! Чистую правду!

Я быстро припомнил все сведения о дворце, вычитанные в старинных трактатах из отцовской библиотеки, дождался согласного кивка Конна и медленно выговорил:

— Конн, досточтимая королева... Замок Тарантии — исключительно древнее сооружение. Возраст государства — тысяча триста лет с небольшим. А столичному замку всего на двести лет меньше. Вначале строилось одно укрепление, на его месте — другое, затем третье, четвертое. Неизменным оставался фундамент, он лишь подновлялся при очередной перестройке замка. Под нами — почти бесконечные лабиринты прежних подвалов, выводящие прямиком в Подземный

город Тарантии, череду катакомб, древних, похороненных в глубинах земли храмов, пещер, проходов и галерей... Войти в подземелья почти невозможно, но есть один путь. Как раз из подвала Полуденного крыла.

Даже сквозь умело наложенную пудру на лице Чабелы проступила бледность.

— А именно? — настороженно переспросил Конн.

— Осень теплая, — пояснил я. — Топить в замке пока не начали. Главные печи установлены над остатками печей, разрушенных королем Сигибертом, когда великий Завоеватель возвел новые стены дворца. А система дымоходов осталась единой... Я сам в ранней молодости пытался пройти по наклонным дымоходам внутрь, заглянул в старые подвалы, но стоило рассказать об этой экспедиции отцу... Барон Хальк едва не оторвал мне уши, и весь следующий день заставил убирать в библиотеке... Боялся за меня. И теперь могу понять, почему именно боялся. Зимой и весной, когда печи замка топят дровами и углем, проходы вниз закрыты. А сейчас любопытствующий мальчишка вполне мог забраться внутрь и разузнать, куда ведут наклонные широкие ходы. Понимаете?

— Та-ак... — выдохнув, протянул Конн. — Но почему старинные дымоходы доселе не задели?

— Руки не доходили, наверное. А разумный взрослый человек не полезет в крысиную нору.

— Ротан, немедленно отправляйся в подвал Полуденного крыла замка! — не раздумывая, скомандовал Конн. — Обследуй каждый угол, следы должны обнаружиться обязательно! Фрог!

— Чего? — повернулся карлик. — Неужели надоедливый урод оказался кому-то нужен?

— Молчи, шут! И не пререкайся, очень тебя прошу. Фрог, скорее беги в книжное хранилище, отыщи у библиотекаря Эйвинда любые планы старых построек замка! Встречаемся в кордегардии Полуденной части дворца через половину колокола.

Фрог преспокойно кивнул и исчез. Как всегда бесшумно и мгновенно. Удивительно, но вечно полусонные служащие дворца в критический момент способны развивать самую лихорадочную деятельность — вот уж действительно, пока огненный петух не запоет, никто не шевельнется!

Конн Канах, я и Гай (оба перемазанные в саже по уши), очень напуганная, но сохранявшая видимое хладнокровие Чабела Зингарская вместе с капитаном Корралесом и полудесятком безмолвных охранников, шустрый карлик Фрог и высоченный библиотекарь Эйвинд в назначенное время собрались в кордегардии. Гвардия и тихари Латераны продолжали бурные поиски короля Селадаса во дворце. Но, как я уже знал, их старания были бесполезны.

— Ну? — уставился на меня Конн.

— Король Зингары заходил в подвал, — сказал я и подтолкнул Гая, который явился куда большим знатоком следов и примет. Гай, вовсе не смущаясь перед монаршими ликами, начал весьма деловито:

— Ротан прав — мальчик спустился вниз по лестнице, сняв один из факелов в коридоре. Мы быстро осмотрели печи, расположенные слева от нижних складов и стало ясно — Селадас заглянул в одну из них, на слое копоти остались следы. Очень плохо то, что следы ведут только в одном направлении. И мы догадались почему. Наклонный дымоход из старого подвала уходит вниз под очень большим углом — парень наверняка сорвался и покатился под уклон. Как зимой, с ледяной горки. Сажа в этом отношении ничуть не хуже снега — маслянистая, скользкая. Наверх ему не выбраться. Кому-то придется спускаться. Нужны веревки...

— Остается надеяться, что Селадас остался ждать возле прохода, а не отправился искать другой выход наверх, — вздохнул я. — Внизу немедленно заблудишься.

— Эй, там! — воскликнул Конн, подзывая гвардейцев. — Немедленно доставить несколько мотков веревок, факела, все что нужно! Эйвинд, где планы старых подвалов замка?

— Господин библиотекарь, не столь давно сменивший на сем ответственном посту барона Халька, тотчас разложил на грубом столе кордегардии несколько свитков желто-коричневого пергамента, исчерченного поблекшими линиями и заметками.

— Планам значительно больше трех столетий, они составлялись во времена короля Гвайнарда Седобородого, деда великого Сигиберта, — гулким басом пояснил библиотекарь, более походящий внешностью не на служителя Мудрости, а на зажиточного пожилого крестьянина из Гандерланда или Пограничья. Впрочем, происхождение у Эйвина и впрямь исключительно варварское — родился в Граскаальских горах, родичи по отцу — асиры, по матери — боссонцы. Но Эйвинд справляется с делами книгохранилища ничуть не хуже своего многоученого предшественника. — Тогда замок имел несколько иную форму периметра стен, был вытянут в сторону реки и старого города, следовательно, подземные ходы ведут к Хороту и тому месту, где теперь площадь Эпимитриуса. Заблудиться, бесспорно, можно, однако если сохранять внимательность и видеть перед глазами план, то обязательно выберешься. Одна загвоздка, месьоры: чертежи более древних подземелей не сохранились, а таковые существуют, это общеизвестно. Надеюсь, они давно засыпаны или затоплены грунтовыми водами, но не учитывать их нельзя.

— Чудесно начался визит в Аквилонию, — нервно дернув щекой сказала Чабела. — Одно радует — следы короля мы нашли и приблизительно знаем, где он. У Селадаса только один факел, нет еды и воды... Возможно, он расшибся при падении... Хорошо. Я немедленно распоряжусь, чтобы несколько моих самых верных телохранителей отправились вниз, на поиски.

— Нет-нет, не стоит этого делать! — я опомнился лишь тогда, когда эти слова уже прозвучали. Ничего себе нахальство — возражать королеве Чабеле! Но слово не воробей... — Ваше величество, Конн, тут надо брать отнюдь не числом! Будет лучше, если вниз спустимся только я и Гай. Я в детстве бывал в старых подвалах, хотя далеко не отходил. Эх, сюда бы двоих-троих гномов!

— Хорошо, идите вдвоем, — решительно кивнул наш король. — Возле дымоходов останется караул стражи. Ты прав: если не появитесь к вечеру, я обращусь за помощью к гномам, живущим в Торговом квартале Тарантии. Уверен,rudознатцы не откажут в помощи, тем более, что сегодня приезжает посольство Пограничья и король Граскаала Дьюрин... Оставляйте пометки на стенах, чтобы мы знали, куда вы направились.

— Возможно, мы поднимемся наверх уже через квадранс, — с наигранным оптимизмом предположил я. Дело в том, что о подземельях Тарантии ходили далеко не самые добрые слухи, и отправляться в путешествие по катакомбам сильного желания у меня не было. Но какой Черный Дракон покажет королю свой страх? Тем более, что Конн на меня надеется! Пришло время доказать, что молодой государь не ошибся в выборе верных соратников, готовых ради него идти в огонь, воду и темные подземелья! — Итак, нужны веревки, две связки факелов, кремень и небольшой запас еды — на случай, если по катакомбам придется разгуливать долго. Конн подошел ко мне, положил руку на плечо, сильно сжал ладонь, и одними губами прошептал:

— Остается надеяться только на милость Богов и на вашу удачу. Если не появитесь к закату — прикажу начать обширные поиски, всю гвардию в подземелья загоню, но вас и Селадаса отыщу. Идите!

Подвалы Полуденного крыла дворца являются собой зреющее угрюмое. Люди тут появляются редко, в основном зимой, когда гигантские зевы печей, обогревающих постройки замка следуют наполнять топливом. Чуть дальше и впереди, в торце каменной сводчатой галереи располагаются хранилища дров и торфа. Мы остановились возле арки высотой в полтора человеческих роста — именно здесь Гай обнаружил следы башмаков Селадаса, по глупости решившего обследовать таинственные уголки огромного жилища аквилонских королей. Если

войти варку печи, то над головой можно увидеть уходящий в непроглядную черноту широкий дымоход, насквозь пронизывающий перекрытия здания, а, углубившись, на пять шагов, любой интересующийся обнаружит квадратное отверстие, уводящее в неведомые глубины. Конн верно заметил — эти щели необходимо обязательно заделать в ближайшем будущем. Чтобы соблазнов не возникало. Двоих спешно вызванных каменщиков из числа дворцовой службы вбили между плитами гигантского камина железные крюки, на которых мы с Гаем закрепили петли веревок, быстро переоделись (кто-то догадался принести куртки и штаны черной кожи, более удобные в таком путешествии, нежели дворцовые наряды), осмотрели собранное снаряжение. К тонким факелам добавились небольшие лампы с фитилем, способным гореть целые сутки — жестяные фонари можно было запросто закрепить на груди при помощи ремешка, оставляя свободными руки. В заплечных мешках — запасные пеньковые шнуры, две фляги с водой и вином, несколько лепешек и ломоть копченого окорока. Медные тубусы с планами подземелья.

Великая экспедиция по спасению несмышеного зингарского короля готова отправиться в путь.

Я просил богов только об одном: лишь бы Селадас не расшибся после падения и остался невредим! Даже если он ушел искать другой выход, мы его обязательно разыщем, но если зингарец серьезно пострадал... Бед не оберешься! На хороших отношениях с Морским королевством можно будетставить жирнющий крест. Конн никому не докажет, что аквилонцы невиновны в происшедшем, а Селадас проявил беспечность, редкостную даже для мальчишки-сорванца!

Я нырнул в провал первым, ногами вперед. Древний дымоход достаточно широк и для взрослого человека. Придерживаясь за прочный канат, я заскользил вниз, попутно собирая на себя остатки порванной Селадасом паутины и хлопья старого пепла. Недовольные черные пауки, успевшие за прошлое лето обжить шахту, недовольно разбегались по щелям.

Э, нет — расшибиться тут невозможно! Съехав вниз на спине, я почувствовал, как подошвы сапог мягко коснулись твердого пола. Дымоход выводил в большой камин, очень похожий на верхний, только поменьше размерами. Кладка кирпичная, а не каменная. Толстый слой пыли и сажи примят — отчетливые следы маленьких туфлей.

Зингарец точно побывал здесь!.. Я вылез в низкий коридор, дернул за веревку, давая знать Гаю, что можно спускаться, и быстро осмотрелся, водя фонариком, в котором мастера установили вогнутое зеркальце, усиливающее свет язычка пламени. Подземелье как подземелье, ничего особенного. В детстве я хаживал в этих местах — параллельные друг другу ходы, заброшенные комнаты, в которых пытливый изыскатель может найти старинную монетку, черепки посуды или обрывки древней кольчуги. Тянется старый подвал на одну пятую лиги к Закату и четверть лиги к Восходу — до архитектурных переделок короля Сигиберта дворец имел прямоугольную форму, а не квадратную, как сейчас. За спиной раздались шуршание и тихие проклятия — из шахты вывалился Гай. Поднялся на ноги, встряхнулся, будто собака, и уставился на меня.

— Никого? — скорее утвердительно, чем вопросительно спросил он. — Точно, никого. Как думаешь, куда мог отправиться мальчишка?

— Давай сначала глянем на следы, — предложил я, а заодно крикнул во всю силу легких: — Селада-ас! Слышишь? Эй!!

Как ни странно, ответ не заставил себя ждать. Подземелье вдруг огласилось постепенно нарастающим и приближающимся жутким воем — казалось, вопит самая настоящая ведьмабанши, отправившаяся на охоту. Мы непроизвольно положили ладони на рукояти кинжалов.

Уи-и-и-и!.. Шлеп!

Радостный визг, достигнув душераздирающих высот, внезапно прекратился, завершившись

громким шлепком. Из нашего дымохода неожиданно вывалился какой-то неопрятный клубок, рухнул на пол, подняв облачка пыли, и вдруг поднялся на короткие ножки.

— Фрог? Маленький мерзавец, ты откуда?

— С неба! — шут чихнул и начал шумно отплевываться. — Недурственно прокатился — впечатления незабываемые! Что это вы на меня смотрите будто на диковину какую? Ну да, это я, старина Фрог, во всей красе, пыли и копоти! Думали от меня отделаться?

— Ты свихнулся! — взбешенно закричал я, тем более, что вспышка страха вызванного восторженными воплями Фрога не улеглась. — Зачем ты здесь? Хватайся за веревку, дергай три раза, как установлено, и возвращайся наверх! У нас без тебя забот выше головы!

— Придержи язык, — с обычной неприятной развязностью ответил Фрог, пытаясь отряхнуть безнадежно испачканный балахончик. — Я хоть и шут, но дворянин — вызову на поединок, мало не покажется! Короче: куда идем?

— Почтенный, — Гай недовольно воззрился на докучливого карлика с высоты своего роста.

— Может быть, Ротан прав и тебе стоит вернуться? Нам не до шуток...

— Болваны! — прошипел горбун, исподлобья глядя на нас. — Я могу пробраться в щели, куда у вас и причинное место не поместится! Я отлично вижу в темноте! У меня гораздо острее слух, чем у вас, дуболовов! Думаете, если я маленький и страшный, то обязательно бесполезный? Историю делают как раз злые карлики, а не великаны с блистающими мечами! Итак, что вы узнали? Мальш был здесь?

— Был, само собой, — вздохнул я, понимая, что теперь от Фрога не отвяжешься. Возможно он прав — люди обделенные природой частенько владеют недоступными другим свойствами, лучшим зрением, обостренной интуицией. — Гай, я осмотрю коридор справа, ты — слева. Фрог, если собрался идти с нами — так не мешайся под ногами!

— Собрался! — передразнил меня горбун. — Что вы собираетесь искать, когда на полу все написано яснее, чем на веленевом пергаменте! Посторонитесь, месьоры гвардейцы — под ногами мешаетесь!

Фрог наклонился к самому полу, вытянув фонарик с зеркальцем, буквально обнюхал каменные плиты длинным острым носом и тотчас разогнулся.

— Ребенок оставался тут не меньше полного квадранса, — уверенно объявил шут. — С его факела падал нагар — видите несколько черных хлопьев? Возможно, звал на помощь и пытался забраться наверх, но потом понял всю бесполезность этого занятия. Идите за мной!

Карлик решительно повернулся влево и зашагал по мрачному коридору весьма беззаботно настынивая донельзя непристойную кабацкую песенку «Мельничиха и король Гвайнард». Мы переглянулись и послушно потопали за Фрогом — шут умудрился сразу взять след. Тарантия, как и большинство городов Заката, выстроена на холмах. Только возвышенности левого берега, на котором мы сейчас находились, более пологи, а на правом берегу всхолмья поднимались над Хоротом почти на две сотни локтей. Добавим, что город начинал строиться именно на противоположном, закатном берегу — в прежние времена военная опасность, прежде всего, угрожала с Восхода, от недобитых княжеств кхарийцев и река служила первым королям Аквилонии замечательной оборонительной линией, не требующей дополнительных укреплений, кроме господствующей над местностью крепости. Со временем город расширился и уже через два столетия от своего основания раскинулся по обоим берегам полноводного Хорота. Построили королевскую резиденцию, несколько новых бастионов, начали появляться первые каменные здания, принадлежавшие богатым дворянам и состоятельным торговцам. К сожалению, в округе не было гор, откуда можно возить гранит или базальтовые плиты для строительства.

Выход нашли быстро — в окрестностях Тарантии устроили каменоломни, благо город стоял

на огромной скальной плите, материал добывали и в округе — например, в Ивелине, том самом маленьком городишке, мраморные копи возле которого стали много лет назад ареной первой схватки короля Конана и его друзей с подземными чудовищами, порожденными Полуночной грозой. Когда Тарантия начала приобретать современный вид и расширяться, городские кварталы возводили над старинными копями, о которых постепенно забыли. Замечу, забыли королевские власти. Подземные ходы, образующие почти настоящий город, избрал прибежищем нечистый на руку люд, городские нищие, у которых не было крыши над головой, жрецы некоторых культов (от почитателей Нергала, до совсем неизвестных религиозных направлений, гонимых официальным митрианством) — словом, под улицами и дворцами Тарантии жизнь кипела ничуть не хуже, чем на поверхности.

Финал истории подземного города был положен в царствование Вилера — короля не самого великого, но деятельного. Власти устали от жалоб на бандитов, способных в самом прямом смысле данных слов «выскочить из-под земли» среди бела дня и столь же легко скрыться, надоела вонь пещерных поселений нищебродов, вырывавшаяся наружу, да и со временем катакомбы стали источником болезней и пристанищем несчитанных полчищ крыс.

Король Вилер, не особо долго рассуждая, приказал армии и городской страже выкурить людей и животных — паразитов из их мрачного обиталища, входы — выходы заделать, а нарушивших королевский запрет на посещение подземного города сажать на кол в людном месте — в назидание прочим слушникам. Говорят, будто после закрытия катакомб население «верхней» Тарантии увеличилось едва не на одну пятую часть.

Впрочем, запреты создаются специально для того, чтобы умные люди их нарушали. Несколько воровских притонов и запрещенных храмов сохранились до наших дней, о них прекрасно знает прецедтор городской стражи, однако не разгоняет — смысла нет. Засыпешь одну нору — жулики обязательно найдут другую. Уж лучше знать и контролировать (с грехом пополам) известные притоны, чем потом искать новые. Еще я слышал, будто подземная Тарантия похожа на слоеный пирог: верхние этажи-уровни прежде были обжиты людьми, причем людьми бесшабашными и смелыми — никто добровольно не станет жить в пещерах, о которых повествуют жутковатые истории. А вот ниже, начиная с третьего или четвертого ярусов, никто никогда не забирался — мало ли что?

Древние подземелья могут таить самые невероятные опасности. Демонические существа, просто хищные твари, обитающие в катакомбах, древняя магия, оберегающая сокрытые мраком столетий тайны... Наверняка это лишь сказки, но даже в самой невероятной сказке есть доля недоброй правды.

Человек создан для солнечного и звездного света — только гномы, наши отдаленные родственники приспособились к жизни под землей. Так на то они и гномы. В Человеческом существе каменное небо пробуждает самые жуткие страхи и само по себе не сулит ничего хорошего.

... Но сейчас нас трое (двою с половиной, если учитывать Фрога...), мы вооружены, приблизительно знаем направление и старательно помечаем стены цветными мелками, прихваченными у господина библиотекаря Эйвinda. При всем желании, буде таковое возникнет, не заблудимся.

— Малышка избрал не самое лучшее направление, — пискляво вешал карлик, двигаясь в авангарде и периодически наклоняясь, чтобы осмотреть пол коридора. — Лучше бы он пошел не в сторону русла Хорота, а к центру города. Там, если верить плану, тупики и завалы, через которые не пройдешь. Возле реки остались ходы вниз, то есть на нижние ярусы. Полагаю, малыш Селадас родился благоразумным ребенком и понимает, что следует идти наверх и только наверх...

— Он мог запаниковать, — заметил Гай. — Паника — дурной советчик. Страх может продиктовать парню самые глупые решения. Представьте только — один — единственный факел, который может в любой миг погаснуть, темнота...

— Мой милый Гай, — прощебетал горбун. — Ты исключительно ненаблюдателен. Мальчик снял со стены подвала металлический факел, в котором используется угольная крошка и сера, перемешанные со смолой — этим составом пропитывается плотный фитиль, свернутый из грубой шерстяной ткани. Такой факел горит на протяжении двух рассветов и не погаснет даже при падении в воду. Единственное, чего мы не знаем — как давно эти факелы были установлены в Полуденном крыле замка. Я, дурачок, забыл спросить у стражи... Тихо! Слышите?

Фрог замер и вытянул руку в предостерегающем жесте. Я споткнулся на полу шаге, на меня налетел Гай и начал тихонько сопеть над ухом.

— Вот оно! — шепнул Фрог, вывернув яйцевидную голову набок. — Прислушайтесь!

— Ничего не слышу, — столь же тихо проговорил я, но Гай внезапно поднес палец к губам и пихнул меня локтем под ребра.

— Точно! Звук текущей воды! Шум, в котором человек может распознать не обыкновенное течение серебристого ручейка, а мощный рев тугого потока. Вода шумит очень вдалеке, глухо и грозно. А еще я на самом излете различил панический человеческий голос — кричат не поаквилюнски, неразборчиво, надрывно.

— За мной! — истошно взвизгнул горбун и со всех ног припустил вперед. Митра Пресветлый, да ведь коротышка Фрог бегает быстрее таракана! — Не отставать, верзилы!

Двигаясь по одному ему известному пути, Фрог нырнул во второй справа маленький коридор, шустрым колобком скатился по выщербленным ступенькам короткой лестницы, снова направо, потом налево — карлика вели вперед не твердый разум или знание, а обостренная интуиция и невероятное чутье, обычному человеку недоступные и неподвластные. Именно сейчас я понял, что, не окажись рядом Фрог, и все наше предприятие было бы обречено на полный провал.

Не отмечая поворотов, мы вихрем пронеслись по целой череде галерей, зальчиков, коротких лесенок, узких коридоров и круглых пыльных комнат. Шум водяного потока приближался.

— Здесь! Здесь! Ищите же! — раненым зверем взвыл горбун, когда мы тремя прашными камнями ворвались в длинное помещение, похожее на эдакую каменную трубу, рассеченную посередине каналом, обнесенным осыпающимся поребриком — именно в канале шириной около десятка локтей и бурлила мутная вода. А самое главное — тут горел огонь!

Я бегом кинулся к источнику света, Гай поспешал вслед. Лодка. Очень старинная лодка — каркас из гнутых прутьев, обтянутый толстой кожей. Суденышко привязано к гранитному выступу быстро расплетающейся веревкой, другой конец которой держит находящийся в лодке темноволосый и насмерть перепуганный мальчишка — если он выпустит шнур, ладью засосет в черный зев тоннеля, куда стремится бушующий поток.

— Руку! Давай руку! — бесполезно орал я, одновременно понимая, что Селадас не сумеет протянуть мне ладонь. Лодка находилась всего в четырех локтях от узкого берега. Осталось только схватить мешок, рвануть горловину, выхватить веревку и быстро свернуть лассо — но как не хватает времени! Еще несколько мгновений, и король Зингары будет обречен...

— Быстро прыгай в лодку! — я мельком обернулся, ощущив увесистый удар кулаком по пояснице. Увидел Фрога, стоявшего позади. — Не рассуждать! Быстрее. И ты!

Гай, услышав слова карлика, повел себя несколько странно: доблестный гвардец ругнулся, подхватил под мышку маленького шута и мигом сиганул в лодочку, обрывая последние волокна привязи.

Не оставалось времени раздумывать — я оттолкнулся от камня, вложив в этот прыжок все

силы, оставшиеся после беготни по подземельям, и... И шлепнулся в пенистые волны, едва успев схватиться пальцами за скользкий борт. Я почувствовал, как подземный поток подхватил и лодку, и мое тело, пытаясь оторвать его от ладьи, но тотчас в рукава моего кожаного колета вцепились железные длинные пальцы.

— Влезай! — горбун с немыслимой для такого малыша силой потащил меня наверх, но я ударился головой о свод широкого и низкого тоннеля, в который убегал поток, и вода залила коробочку фонаря. Фитиль, коротко шикнув, погас без искр.

Я почти сразу потерял сознание. Последняя мысль сверкнула тусклым бликом: «Мы погибли?..»

Запись третья

в которой мы путешествуем по неизвестной

людям Тарантии, а Фрог приходит

к неутешительным выводам

— Надеюсь, Ротан не очень сильно пострадал?

— Шишка на лбу, голова поболит немного... Но, как известно, всякий гвардеец Черных Драконов может не носить шлем.

— Почему это?

— Разве не слышал? В гвардию берут только воителей, у которых толщина черепа позволяет казне экономить на шлемах. Зачем тратиться на оружейников, когда каждый господин гвардеец сам собой представляет идеальный природный доспех? Думать вам не надо, а вот иметь крепкую голову — обязательно. Столь закаленная голова Ротана и спасла...

— Продолжаешь мести языком, будто дрянной метлой? — я с трудом разлепил веки, узнавая голоса. Беседовали Гай и королевский щут. Отлично, значит я жив — и даже отчасти здоров!

— О, зато, сколько словесного мусора способен прибрать мой длинный язычок, — рассмеялись из полумрака. Фрог сидел на базальтовой ступеньке в полушене от меня, сразу за карликом угадывался широкоплечий силуэт Гая. Неподалеку оранжево светился фонарик, отбрасывавший слегка колеблющиеся тени. — Люди утверждают: молчание — золото, слова — серебро. Я предпочитаю владеть целыми сундуками серебра, нежели одной плюгавенькой золотой монеткой. Но еще говорят, будто деньги — грязь. Построим силлогизм. Слова — серебро. Серебро это деньги. Деньги — грязь, мусор. Язык человека всегда связан со словом, а, следовательно, с мусором. Ты прав, молодой барон Юсдалль: язык это помело. И твой, и мой. И любой.

— Как ты мне надоел, философ... — слабо выдавил я. — Где мы? Что происходит?

— Ничего не происходит, — с унылой снисходительностью ответил Фрог. — Мы ждем, когда ты соизволишь очнуться, и бесполезно пытаемся просушить платье. Ихнее зингарское величество попросту спит, утомившись от чудесных приключений, вода течет, время идет...

Обычная жизнь.

— Нергал вас задери! — рявкнул я, едва горбун упомянул короля Зингары. Моментально вспомнились минувшие события. — Где Селадас?!

— Сказано — дрыхнет, — сварливо отрезал Фрог, поднимая фонарик и кивком указывая на сжавшуюся в комочек мальчишескую фигурку. Селадас устроился неподалеку от нас, в сухом углу комнаты (или пещерки?) избранной местом отдыха. Я, опираясь на руку, уселся, встряхнул головой, ощупал впечатляющую шишку над правым виском и уставился на Фрога, удивительно походившего на мокрую коричневую курицу, забравшуюся на насест. С балахона карлика стекали капельки воды, образовав у подошв сандалий темную лужицу. Фрог, перехватив взгляд, проскрипел:

— Предвосхищая вопросы, скажу: я не знаю, куда нас занесло потоком, не представляю, на какой мы глубине, не могу ответить, куда надо идти и совсем не ведаю, как обсушиться и согреться. Мы потеряли мешок с припасами и факелами, утопили один фонарик, из второго пролили больше половины масла и едва не погибли. Это хорошие новости. Хочешь узнать плохие?

— Рассказывай, — вздохнул я, пытаясь не обращать внимания на головную боль. — Если хорошие новости таковы, то что досточтимый шут предполагает известиями дурными?

— Проклятого мальчишку занесло в ту часть старого дворца, где до эпохи Сигиберта располагалась подземная тюрьма, — буркнул карлик, разворачивая мокрый пергамент и утыкаясь в него острым носом. — Подвиньтесь ближе, посмотрите...

Гай молча наклонился над плечом Фрога, а я уселся рядом, на узкую ступеньку. Удивительное везение! Я услышал, как Селадас звал на помощь и просто чудом сумел отыскать его по звуку, — горбун ткнул пальцем в план. — Мальчик изрядно попетлял по заброшенным коридорам, не зная, что из старинного узилища есть только один выход наверх, да и тот давно завален. Видите, он обозначен составителем карты? Селадас набрел на искусственный канал, который связывал дворец и донjon давно срытой тарантийской крепости, увидел лодку и решил, что на ней сумеет выбраться наружу. А вот секретов, защищавших тюрьму от побегов и непрошеных гостей, не знал.

— Секретов? — хмуро переспросил Гай. — Неужели древняя механика так хорошо сохранилась за три столетия?

— Не думай, что наши предки были глупее или наивнее нас с вами, — огрызнулся Фрог. — К лодочной пристани тюрьмы можно подойти только по узкой дорожке. Она выведена на карте красными чернилами. Шагнешь вправо или влево — нажмешь подошвой на камни, под которыми запрятаны тайные пружины, открывающие дополнительные водяные шлюзы. Результат таков: уровень воды в подземной реке резко поднимается, затапливая проход к верхним этажам тюрьмы — заметили, мы спустились на целых четыре яруса? Это не меньше дюжины локтей в глубину! После подъема воды, беглец оказывается в ловушке, и остается там, пока стражка не закроет шлюзы. Видимо, механизмы все-таки проржавели или частично испортились — уровень воды в канале поднимался сравнительно медленно и мы успели перехватить Селадаса. Но хода обратно уже не было. Поэтому я принял решение довериться потоку — авось, куда-нибудь вынесет. Мы успели в последний момент.

— Долго плыли? — после неприятной паузы осведомился я.

— Не особенно. Меньше четверти колокола. Я очень опасался, что вода поднимется до потолка тоннеля и лодка утонет, но мы проскочили. Если судить по направлению, мы находимся под старой частью города.

—... На глубине не меньше пяти или шести ярусов, — подхватил Гай, внимательно слушавший карлика. — Надо по возможности быстро подниматься наверх.

— Тебя не спросили! — усмехнулся Фрог. — Даже мне, дураку, ясно, что наверх, а не наоборот. Сделаем так. Вы прогуляетесь по ближайшим коридорам, разведаете возможный путь. За ребенком я присмотрю. Увидите необычное или непонятное — не трогайте, а лучше сразу отступите. Отходите отсюда не больше, чем на сотню шагов — потеряетесь!

«Отсюда» — это откуда? — задал я вопрос сам себе, встал, вытащил из уцелевшего мешка два тонких факела, запалил их от огонька фонарика, вручил один Гаю и внимательно осмотрелся.

Мы находились в сравнительно небольшой квадратной зале, имевшей всего один выход.

Возле стен валяются гнилые доски, остатки бочек, несколько полуразвалившихся ящиков, сломанные трухлявые табуреты. Наверняка в прошлом здесь был склад или караулка стражи. А если Фрог не ошибся, мы очутились под фундаментом бывшего крепостного донжона — башню снесли после возведения новых стен города. Любопытно, а что сейчас находится сверху? Рыночная площадь? Дворец какого-нибудь герцога? Обычный дом или лавка купца?

Когда выберемся, я обязательно найду в библиотеке замка старые карты города и сравню с современными!

Мы вышли из залы прямиком в широченный тоннель, посреди которого протекала уже знакомая подземная река — пройти можно только вдоль стен, по гранитному барьери, создающему своеобразную узкую набережную канала. В воздухе пахнет сыростью и плесенью, с темного потолка падают капли, звук отражает громкое эхо. Неуютно, но вроде бы безопасно.

— Ты направо, я — налево, — сказал я Гаю и двинулся вдоль берега канала, ширина которого была не меньше семи шагов. Сразу же наткнулся на спасшую нас лодку и снова подивился ее сохранности. Бережливый Фрог заставил Гая вытащить ладью на камень — вдруг пригодится?

— Гай! Если что найдешь — позови!

— Угу, — буркнул мой приятель, и мы зашагали в разные стороны, надеясь отыскать проход.

— Мне не повезло. Через несколько десятков шагов своды тоннеля начали опускаться, а вскоре я наткнулся на тупик: заржавленную решетку, перегораживавшую тоннель. В отдалении слышался звук водопада — наверное, поток уходил еще глубже. Я слышал от отца, что якобы под столицей существует целая система подземных речек, и вот теперь получил доказательства. Меня окликнул Гай. Желтое пятнышко его факела мерцало вдалеке, казавшись маленьким светлячком, но голос доносился отчетливо:

— Ротан! Тут лестница!

— Наверх?

— Вниз! Иди посмотри!

Проход находился рядом с тем местом, откуда вынесло нашу лодку — оказывается в большой канал впадало два малых. Гай объяснил, что мы приплыли из правого, очень низкого тоннеля. Над арками виднелись выложенные квадратными камнями нордхеймские руны, неизвестно что обозначавшие. Скорее всего, строители подземных укреплений, таким образом, помечали систему лабиринтов, чтобы не заблудиться самим.

Точно, лестница. Узкая, крутая, резко уводящая в глубину.

— Это единственный выход, — сказал Гай, поводя факелом и взглядываясь в непроглядную темень провала. — Я проверил. Глянь, пламя неровное...

Да, действительно, огненные язычки факелов начали слегка колебаться. Я немедля послюнявил палец и выставил перед собой. Точно... Сквозняк.

— Так или иначе, все равно придется здесь, — я потянул Гая за рукав, и мы зашагали к залу, где оставались мальчишка — зингарец и горбун. — Дуновение ветра — это замечательно, однако забираться еще глубже очень не хочется!

— А кому хочется? — уныло отозвался Гай. — Влипли мы, вот что ясно...

Фрог успел разбудить Селадаса, и теперь юный король взирал на шута насупленно, с недоверчивым недоумением. Вероятно, они недавно крупно поспорили.

— В чем дело? — спросил я карлика, но Фрог только отмахнулся.

— Их величество желают быть недовольными. Государь жаждут умыться теплой водой, покушать мясного рагу и погулять по Тарантии. Я доходчиво объяснил государю, что все вышеперечисленное невозможно.

Я непроизвольно фыркнул, отлично сознавая, как могли звучать «доходчивые объяснения» Фрога — этот тип за словом в карман не полезет. Недаром у избалованного мальчишки такой ошарашенный вид.

— Если вы дворяне, — зингарец метнул на меня требовательный взгляд, — арестуйте этого мерзавца! И препроводите в тюрьму за оскорбление величества! Есть закон...

— Фрог, что ты сказал королю? — пытаясь сдерживать улыбку, спросил я. — Надеюсь ничего, недостойного дворянина?

— Именно: ничего недостойного, — криво оскалился горбун. — Посоветовал попридержать помело... то есть, язык. И не отвлекать меня глупыми просьбами от мыслей о вечном.

— Вы отказываетесь выполнять приказ короля? — еще нахальнее выкрикнул Селадас.

— Уберите это мерзкое существо с моих глаз!

Гай, суровый боссонец, не выдержал. Он родился в многодетной семье и знал, как управляться с капризными братишками и сестренками.

— Во—первых, — веско сказал он, надвигаясь на попятившегося Селадаса, — этот почтенный месьюор отнюдь не «мерзкое существо», а приближенный короля Конна, носящий графский титул. Во—вторых, месьюор Фрог старше тебя на много лет и тебе придется извиниться... В—третьих, я и мой друг, барон Ротан Юсадаль имеем честь служить под знаменами другого государя и выполняем лишь его приказы. Последний приказ гласит: вытащить некоего маленького и насмерть перепуганного мальчика из подземелий, куда он попал по собственному недомыслию...

— Да как ты смеешь! — взвился Селадас. — Я прикажу заточить тебя в башню Кордавы!

Я покачал головой: разбалowała Чабела своего единственного отпринска! Что поделаешь — позднее и любимое дитя.

— В—четвертых... — Гай невозмутимо шагнул к юнцу, схватил его за ухо и лихо закрутил пальцы. Его величество изволили взвизгнуть, а затем и заскулить. — В—четвертых, Селадас Зингарский впредь будет относиться к людям, спасших ему жизнь, уважительно и вежливо. Ясно? Я кажется спросил, ясно или нет?

— Я... ясно! — тщетно пытаясь сдержать слезы, пискнул Селадас. Судя по паническому взгляду, с королем никогда раньше не обращались подобным образом. Если только строгая матушка не позволяла себе изредка всыпать наследничку розог собственной монаршей дланью — Чабела, как все женщины Полудня, всегда была легка и на гнев, и на милость. — Сударь, отпустите! Пожалуйста!

Гай выпустил ухо короля, моментально начавшее распухать.

Я понял, что настал черед дипломатии. Присел рядом с зингарцем на корточки. Взглянул проникновенно.

— Селадас, пойми, мы все по твоей вине оказались в очень затруднительном положении, — пытаясь придать голосу наибольшую серьезность, сказал я, глядя в черные глаза мальчишки. — Постарайся на некоторое время забыть, что ты — король. Сейчас каждый находящийся здесь — пленник подземного царства. Мы обязательно выведем тебя наверх и доставим к маме, но до

этого момента ты будешь слушаться меня, месьора Гая Аттинского и уважаемого Фрога из Пуантена. Договорились?

Селадас повернулся к Гаю, монументально скрестившему руки на груди и взирающему на нас с безмятежностью, достойной смиренного монаха-митрианца, потом взглянул на Фрога, притворно-обиженного и нахохлившегося...

Королевская кровь взяла свое.

Парень встал, подошел к карлику и слегка поклонился, приложив ладонь к груди. Сказал:

— Сударь, мне жаль, если я невзначай нанес обиду. Прошу забыть и простить. Просто... Просто я боюсь.

Готово! Дело сделано! Испытаным методом кнута и пряника мы быстро превратили Селадаса из «короля» в обычного мальчика, готового пересилить себя и подчиняться нашим приказам. Хотя, один Митра знает, что зингарец может выкинуть в будущем. Надеюсь, благоразумие и чувство опасности склонят чащу весов в его пользу. И в нашу.

— Бояться глупо, — скрипнул Фрог своим тоненьким голоском. — Так или иначе, мы находимся в Тарантии. Почти. Чтобы выйти на улицы города, нам придется долго идти наверх — надеюсь, этот постулат ни у кого не вызывает сомнений? Мой юный друг, я принимаю твои извинения. Однако запомни — если ты встретил что-то некрасивое, то не спеши думать, что оно столь же безобразно внутри, как снаружи.

— Я запомню, — кивнул Селадас. И попробовал улыбнуться.

— Отправляемся? — Фрог приобрел деловитый вид. — Нашли выход?

— Не нашли, — буркнул Гай. — Идемте, посмотрим.

Я зажег еще один факел, вручив его Селадасу — пускай зингарец будет при деле, тем более, что свой он умудрился потерять во время краткого, но донельзя опасного путешествия в кожаной ладье. В любом случае, видя факельный огонь, нам будет проще следить за маленьким королем. Фрог, узнав у Гая направление, пошел впереди, надев на грудь фонарик. Заглянул в прямоугольную дыру, куда уводила вырубленная в камне лесенка. Пожевал губами. Подумал.

— Не понимаю хода мыслей строителей этого подземного города, — изрек горбун. — Зачем потребовалось создавать в старых катакомбах разветвленную систему каналов? На случай осады, чтобы по воде вывезти из столицы ценности или важных особ? Но вода имеет свойство течь вниз, а не наверх! Любая подземная река должна закончиться на той же глубине, на какой появляется исток. А над нашими головами огромный слой камня, мы гораздо ниже уровня Хорота. Пещеры за городом? Невозможно, ибо в окрестностях нет гор. Загадка, честное слово!

— Фрог, умоляю, давай над тайнами забытой Тарантии мы подумаем дома! — взмолился я. Нашел время, для ученых размышлений! — Надо идти. Наверняка дело близко к вечеру.

— К закату, — поправил меня карлик. — По моим расчетам скоро начнут отбивать седьмой колокол. Мы слишком долго ждали пока ты придешь в себя... Не выберемся до полуночи — Конн начнет новые розыски и, разумеется, ничего не найдет. Поднявшийся уровень воды перекрыл тоннель, по которому мы приплыли сюда. Однако, спешить не станем — поспешность вредит и подсказывает неверные решения. Спускаемся!

И мы пошли вниз по узкой и скользкой лестнице. Первым шагал Фрог, затем я, потом Селадас, а замыкал цепочку Гай. Проход (сорок пять ступенек, я считал) вывел нас в сухую галерею. Подошвы сапог поднимали вихорьки каменной пыли.

— Поток воздуха идет слева, — мигом определил Фрог. — Туда и направимся. Будьте осторожны — нога человека не ступала по этим плитам три столетия... Боги, как меня угораздило ввязаться в эту глупейшую историю!

Это был настоящий лабиринт, причем весьма протяженный, запутанный и построенный на редкость бесполково. Конечно, его устроители наверняка видели в системе переходов и комнат

свой порядок и надлежащую организованность, но мы быстро заплутали — не помогло и чутье карлика.

Направо—налево, вверх по короткой лестнице, а вниз — по более длинной. Замечалось, что мыдвигаемся отнюдь не по бывшим каменным копям — штольни копей выглядят совершенно по другому! Чувствовалось, что эти галереи некогда вовсю использовались людьми, регулярно подновлялись и вообще содержались в образцовом порядке.

Через каждые двадцать шагов, на стенах установлены медные кольца для факелов, ныне покрытые толстым зеленым налетом. Некоторые проходы загорожены каменными дверьми— плитами — мы попытались открыть одну из них, но старинный механизм отказывался работать. Пришлось сворачивать обратно. Фрог с каждой новой неудачей принимал все более недовольный вид и, наконец, пустился в громогласные рассуждения:

— Если мы желаем отыскать выход из лабиринта, — ораторствовал горбун, — существует особое и малоизвестное людям средство. На каждой новой развилке проход, из которого мы появляемся, помечаем тремя знаками. Если мы попадаем на развилку, где уже отметились, то есть где мы уже предварительно побывали, — оставляем у приведшего нас прохода только один знак. Если помечены все двери — значит, надо поворачивать обратно. Но если какие-то проходы на развилке пока что не отмечены значками, нужно выбрать любой и поставить у него два символа. Входя в проем, уже отмеченный одним крестом, прибавляем к нему два новых, чтобы у прохода набралось в сумме три креста. Весь без исключения лабиринт обойти удастся, если ни разу ни на одной развилке не поворачивать в проход с тремя знаками, при условии что в нашем распоряжении остается еще хотя бы один проход, тремя знаками не отмеченный...

— Волшебно, — расстроенно буркнул я. — Но, боюсь, даже после того как мы исчиркаем все стены лабиринта, придется блуждать здесь до конца мира и Битвы Богов. Мы забрались уже очень глубоко — у меня немного закладывает уши...

— Ума не приложу, зачем древним потребовалось строить этот город внутри скалы? — не обращая внимания на мои сентенции разглагольствовал Фрог. — Должна же быть цель? Подземелья покинули давно, вынесли все ценное — заметили, нигде нет остатков мебели или следов человеческого жилища? Комнаты пусты и чисты, словно их подмели и протерли ветошью вслед за исчезновением хозяев! Что находится за запертymi дверьми — загадка...

— Постойте! — Селадас вдруг дернул меня за руку и потащил к боковому проходу. — Видишь? Что это такое?

— Остроглазый мальчишка углядел необычность, на которую взрослые внимания не обратили. Толстая гранитная плита, закрывавшая вход в одну из зал была слегка отодвинута. Щель шириной в локоть или чуть меньше.

Мы окружили неподъемный притвор, Гай и я попробовали его толкнуть, однако камень остался недвижим. Забраться внутрь не вышло — у меня пролезла только рука до плеча.

— Для вас, месьоры, гвардейцы узковато, — будто прочитав мою мысль, сказал Фрог и оценивающе взорвался на мальчишески-тощего Селадаса. — Парень, сможешь пролезть внутрь и разведать, что за дверью?

— Эй-эй, может быть не стоит рисковать? — немедля возмутился я. — Зачем?

— Не думаю, что внутри человека может подстерегать опасность, — ответил карлик. — Тут нет ни чудовищ, ни охраны... Вообще ничего. Пустота.

— Тогда зачем лезть? — рассудительно осведомился Гай.

— Интуиция... — Фрог остался невозмутим. Посмотрел на зингарца.

— Если нужно — я посмотрю, — согласился тот. — Надо искать новый выход?

— Ничего подобного, — Фрог подозрительно осмотрел стены, покряхтел, пошевелил губами, будто считая. — Наверняка перед нами небольшая комната, это видно по

расположению коридоров. Если найдешь нечто странное — руками не касайся, а расскажи нам. Понял?

Вторично зингарского короля упрашивать не пришлось. Селадас юркой гибкой ящерицей проник в расселину, я передал ему факел. Несколько мгновений царила тишина. Потом донесся приглушенный голос мальчишки:

— Ой, здесь мертвый! Настоящий мертвый скелет!

— Было бы интересно выяснить, что скелет — живой! Не бойся, он тебя не укусит, — Фрог вертелся возле щели, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть внутри. — Одежда сохранилась?

— Сейчас посмотрю... Да! Доспех, шлем необычный...

— Какой?

— Открытый, без забрала, с высоким гребнем. Я таких раньше не видел.

— Подтащи шлем к двери, хочу взглянуть! Изнутри донесся неприятный стук — раскатились потревоженные кости.

— Поздний атренский стиль, — немедленно определил карлик, едва Селадас позволил ему разглядеть находку. — Подобные доспехи вышли из употребления лет четыреста тому назад. Отнесешь в любую антикварную лавку — получишь кучу денег. Малыш, брось шлем и посмотри — нет ли чего другого!

— Сударь, — проворчали изнутри, — Мое имя — Селадас. И впредь я просил бы называть меня именно так.

— Хорошо, хорошо, малыш, — нетерпеливо заскрипел карлик. — Какие-нибудь вещи, оружие?

— Ну... Меч, нагрудник, что-то вроде железной сумочки. Такая круглая, наподобие тубуса! Больше ничего! Голый камень!

— Тащи сумку сюда и немедленно вылезай!

Вскоре тонкие пальчики Фрога сжимали довольно крупный ребристый цилиндр с обрывками иссущенных долгими годами ремешков, которыми металлическая сумочка крепилась к поясу владельца. По ближайшему рассмотрению оказалось, что цилиндр сделан из бронзы и украшен темными серебряными накладками.

Шут, быстро изучив тубус, принялся отвинчивать крышку, поначалу долго не поддававшуюся его усилиям.

— Вот как, значит... — озадаченно сказал Фрог, одержав победу над строптивой бронзой и заглянув внутрь цилиндра. — Пергаменты! Я надеялся увидеть сокровища... Однако всем известно, что в истинном золоте блеска нет, а человеческая мысль, изложенная на бумаге, иногда бывает ценнее самого крупного алмаза!

Я предпочел бы с Фромом не согласиться, но промолчал. Ему скажи слово — он ответит десятком.

— Как досадно! Листы чересчур высохли, ломаются, — огорчался карлик, когда свернутые в трубку пергаменты начали крошиться у него в руках. — Но кое-что мы все-таки выясним... Очень интересно!

Даже невозмутимый Гай наклонился над Фромом, пытаясь рассмотреть старинные манускрипты, которые тот аккуратно расстипал на плитах пола, прижимая по углам маленькими камешками.

— Ротан, сколькими языками ты владеешь? — последовал крайне неуместный в данной ситуации вопрос.

— Аквилонским и некоторыми провинциальными диалектами нашего королевства, — непонимающе ответил я. — Зингарским и немедийским. Помню несколько фраз по-пиктски и на туранском.

— Тогда что, по-твоему, ты здесь видишь?

— Я всмотрелся в пергаментные листы, направив на них изъятый у Фрога фонарик. Планы, чертежи, масса рунических надписей — вероятно нордхеймских. Несколько стигийских, а если быть скрупулезным — позднекхарийских иероглифов.

— Карту вижу, — честно ответил я. — Могу прочитать руны, однако они не образуют складного текста.

— А я вижу другое, — задумчиво сказал Фрог. — Помните рунические обозначения над водяными каналами? Это, безусловно, тайнопись, предназначенная для хранителей лабиринта. Могу предположить, как умер человек, носивший с собой эти документы — он попал в ловушку! Дверь каким-то образом захлопнулась, когда он вошел в комнату, но механизм по неизвестной причине не сумел закрыть плиту до конца. Малыш... Тьфу, Селадас! Ты не заметил ничего необычного внутри? Именно необычного, особенного?

Молодой зингарец подумал, сморщил лоб и вдруг просиял:

— С той стороны на каменной двери много сколов! Будто гранит пытались рубить. А меч сильно выщерблен, такой только выбросить стоит! Наверное, этот... умерший хотел отодвинуть или разбить плиту. Верно?

— Соображаешь, — похвалил Селадаса шут. — Тебе следует забыть о королевском титуле и идти трудиться в тайную службу — поднимешься до поднебесных высот! Впрочем, это неважно.

— Нашего неизвестного друга в доспехах и с набитой пергаментами поясной шкатулкой или завлекли в западню, или он сам туда угодил. По незнанию. И он не задохнулся, а умер от голода и жажды, дверь осталась приоткрыта! Вывод: несколько столетий назад этот таинственный неудачник что-то искал в наших подземельях. Ценности? Тайны? Секреты древности? Безнаказанно погулять по лабиринту ему не позволили и обрекли на смерть — человек наверняка звал на помощь и не дождался избавления! С этого момента удваиваем осторожность! Фрог уселся на пол перед разложенными листками, поставил рядом фонарь, подпер кулаком подбородок и ушел в размышления. Скомандовал попутно:

— Посидите отдохните. В мешке можно найти перекусить. Главное — не отвлекайте меня.

Я хотел было возмутиться и сказать, что необходимо идти дальше, но запнулся на полуслове. Куда идти? Бесцельно блуждать по подземельям?

Оставалось надеяться, что в большой голове Фрога зародится спасительная мысль, и логический разум карлика подскажет верное решение.

— Ну, милые молодые люди, я кажется понял, какие серьезные неприятности мы низвергли на собственные головы, благодаря королю Селадасу, — Фрог взмахнул рукой, сметая пергаменты, превращавшиеся в пыль. Заметив наши недоуменные взгляды, карлик усмехнулся и постучал указательным пальцем по своему высокому морщинистому лбу. — Карта осталась в этой костяной шкатулке навсегда, не беспокойтесь. А вот теперь я с полной уверенностью могу сказать — ничего хорошего нас не ждет. И это самая приятная новость. Есть и похуже.

— А именно? — у меня захолонуло сердце. По виду Фрога нельзя было сказать, что он шутит. Непривычно серьезен.

— Ротан, твой отец был одним из самых ученых людей страны и наверняка дал тебе достойное образование? — карлик пронзил меня взглядом и сделал паузу, дожидаясь ответа.

— Не скажу, что самое достойное... — поморщился я. — Барон Хальк желал, чтобы я принял в наследство должность библиотекаря и летописца, но моя душа лежит к другому.

— Понятно. Подраться, покутить, погарцевать на вороном жеребце на поле брани... Знакомо до боли в дупле коренного зуба. Но кое-что Юсдаль-старший обязан был вбить в твою дурную голову. Например, знание истории. Скажи, друг мой Ротан, что находилось на месте Тарантии до основания города?

— Ну... Какой-то поселок, замок древнего ярла.
— А до прихода на закат хайборийцев? Во времена Кхарийского государства?
— Говорят, тут стояла кхарийская крепость. Ее потом разметали по камешку.
— А до кхарийцев? — продолжал допытываться настырный Фрог.
— Никто не знает! Наверняка в этих местах обитали валузийцы, а до них, во времена величия — атланты.

— А еще раньше?

— Вот пристал! В такие глубины времени теперь никто не заглядывает! Говорят что-то о древнем черном боже, Роте-Всаднике, но Рота жил целых восемь тысяч лет назад! Или даже больше, если считать эпоху до Появления солнца...

— Рота у нас теперь живет, в Зингаре, — некстати вставил Селадас. — В Рабирийских горах. Его зовут Эллар, он колдун!

— Это не сам Рота, это лишь его бессильное человеческое воплощение, — поморщился горбун. — А прежними временами он был величайшим из богов... Я, собственно, к чему? Мы с вами, насколько я понял, находимся на одной из линий обороны Тарантийской крепости.

— Как ты сказал? — наклонил голову Гай. — Крепости? Под землей? Чепуха!

— «Чепуха» — это твое нелепое существование на белом свете! — зло ощерился Фрог.
— Не перебивайте! Крепость может не только обносить стенами город, защищая людей от вторжения извне. Крепость может оборонить и от нападения из глубин. Объясняю для дураков: случайно обнаруженные нами планы — есть секретнейшие бумаги королевской канцелярии короля Гвайнарда Седобородого. Одна из наиболее оберегаемых государственных тайн трехчетырехсотлетней давности! Наверное, она осталась таковой и поныне. Рассказать вам сказочку?

— Фрог, не время для забавных историй! — вспылил я. — Факелов мало, еды — кот наплакал. Хорошо хоть от жажды не умрем, каналы рядом!

— Не повышай голос на убогого, — невесело улыбнулся шут. — И выслушай. Тогда ты поймешь, о чем я хочу сказать.

... Десятки веков назад обширными землями Полуночи владел Великий Бог, не чуравшийся иметь телесное воплощение. Он, в отличие от иных богов, предпочитал повелевать смертными сам, а не через сообщества жрецов и магов. Его имя было Рота, Черный Всадник, Скачущий в Ночи. Рассказывают, будто обитал он в удивительной крепости Лан-Гэллом, что переводится как «Долина Звездного Тумана». Теперь эта твердыня навеки скрыта водами Океана. Чтобы сохранить власть, Рота призвал из Черной Бездны подземных духов огня, обитающих в огне и огонь порождающих. Назвали их Плетьми Пламени и были они самыми верными и беспощадными слугами Роты. Огромные, невоплощенные чудовища, состоящие из дыма и первородного огня, поражающие врагов расплавленным бичом, против которого не устоять ни смертному, ни бессмертному.

Но случилось так, что в битве при Лан-Гэллом Рота был повержен и изгнан во Тьму Внешнюю, откуда богам нет возврата в обжитой мир. Хозяин ушел, но слуги остались. И были захоронены под необоримыми слоями земли, воды, воздуха и огня — четырех главнейших стихий.

Пламенные Плети живы доселе. Они жаждут вернуться к своему господину, но если господин исчез из мира навеки, то теперь им нужна лишь свобода.

И потерянная власть. Так говорят самые древние легенды.

— Ротан, надеюсь, ты читал летописи и воспоминания собственного отца? — стрельнул на меня взглядом карлик, закончив маленькую сказку. Потрескивали факела. — О его приключениях в неизмеримых глубинах Граскаала? Двадцать семь лет назад? Ничего похожего не вспоминаешь?

Я вспомнил. Это было как удар молнии! Перед глазами всплыли строки «Синей хроники», составленной Хальком Юсаделем в 1288 году, задолго до моего рождения. Вот они:

«...Оно не походило ни на что, известное людям или оборотням. Среди опускающихся с потолка подгорного зала каменных сосулек струилась легкая переливчатая тень. Существо, проходящее неподалеку от нас, напоминало силуэтом человека огромного роста с парой черных крыльев за спиной. Глаза светились багровым отблеском, темно—бордовые языки пламени окутывали тело... А в правой руке демон сжимал длинный, волочащийся по полу и оставляющий в камне выжженные углубления огненный кнут».

Я процитировал записи барона Халька почти наизусть. Вслух.

Фрог нахмурился. Выслушал. Прищелкнул языком.

Я заметил, как у Селадаса загорелись глаза — мальчишка соприкоснулся с самой настоящей тайной!

Помню как это слово, «тайна», привлекало меня в его возрасте. Но чем старше становишься, ты все больше понимаешь, что оно несет не романтику, а сплошные неприятности.

Гай выслушал тихо, не задал ни одного вопроса. Боссонец всегда предпочитал слушать, а не говорить. Ему нравилось золото, а не серебро, как сказал бы королевский шут.

— Точно, слово в слово, — кивнул Фрог. — Я читал «Синюю летопись». Тогда король Конан, барон Юсадель и их друзья воочию увидели одного из демонов Пламенной Плети. Гномы называют их по-другому — Огненные Бичи. Хотя, какая разница... Часть этих невероятных чудовищ никогда не служила Роте и осталась там, где предопределено — в вулканах, огненных горах, ибо они являются частью неподвластных никому стихий. Но другие, отведавшие власти — похоронены. И, если верить бумагам, которые я сумел прочитать, некоторые обитают в недрах под Тарантией.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Может. Теперь представьте: некий маг, сумевший отыскать сохранившиеся заклятия, способные подчинять Пламенные Плети, этот ужас глубин, спускается вниз, собирает армию непобедимых и... Месьоры, мы сделали величайшее открытие! Разгадали тайну подземной Тарантии! Первые короли Аквилонии знали, что внизу спят Древние! Но не стали переносить столицу, полагая, что сумеют охранить древнее демоническое захоронение! И начали расширять город, его укрепления, не только по поверхности земли, но и вниз, в глубины! Создали своеобразные рубежи обороны, выложили камнем подземные реки, способные затопить вырывающихся наружу чудовищ! Вода всегда противостояла огню, а если воды много — огонь погаснет. Тут, в этих галереях, до начала царствования короля Гвайнарда, была крепость. Крепость, оставшаяся в наследство от Алькоя и Олайета! Крепость глубин! Твердыня, способная защитить людей от возвращения огненных стражей Роты-Всадника! И мы случайно очутились в самом ее сердце.

— Это очень интересно, — вежливо сказал Гай. — Но где доказательства? Хотя зачем нам сейчас эти ненужные доказательства? С древними чудовищами пускай разбираются боги, надзирающие за нашей жизнью и бытием обитаемого мира! Когда мы вернемся в город, обязательно расскажем королю о твоих мыслях. А лучше — ты сам... Фрог, как выйти наверх? Ты узнал? Нашел в старых пергаментах путь?

Карлик помолчал, как обычно сделал исковерканными губами несколько жующих движений, пискляво ругнулся под нос. И воззрился на нас.

Если верить документам — выхода наверх нет. Стражи подземной крепости принимали клятву навсегда остаться под толщей камня. Подобно гномам. Раньше я ничего подобного не слышал, наверное, этот обычай забылся в эпоху бурного царствования Сигиберта. Человека сюда впускали — а выйти было невозможно. Добровольная пожизненная тюрьма. Особая подземная

гвардия, тайный орден, связанный клятвами и кровью... Понимаете? Войти можно, выйти — нет. Я быстро расшифровал руническую тайнопись — тогда пользовались весьма примитивными шифрами. Это — наш приговор.

— Но почему тайная стража ушла отсюда при Сигиберте? — вскричал я. — Они же выбрались наружу? Как?

— Не знаю. Будем думать. Кстати, мы не умрем с голоду. На плане остались отметки, там можно найти склады...

— Не думаю, что за несколько столетий зерно и сыр сохранили первозданную свежесть... — заметил Гай. — Значит, выходов нет? Вообще?

— Будем думать, — твердо сказал Фрог. — Пойми, даже если тебя съели, у тебя всегда есть два выхода!

— На этой глубокомысленной фразе шута мы и закончили разговор.

Впереди маячила тягостная неизвестность. И полнейшая тьма. В запасе осталось всего шесть факелов.

Удивительно, но прежде никто не догадывался о замыслах Первых королей! Во времена Эпимитриуса Тарантия являлась сторожевой крепостью, защищая правобережье Хорота от вторжений кхариицев, уцелевших после разрушения Пифона, и одновременно началось строительство подземных укреплений! Нам сотнями лет твердили, будто катакомбы — это всего лишь пустые выработки каменных копей, а оказалось, что короли и посвященные в тайну приближенные монархов благополучно обманывали подданных. Это разумно — если весть о том, что столица выстроена на эдакой «пробке», затыкающей ход в глубинную обитель Духов Огня, народ испугается, а возможно, и запаникует. Секрет оберегали настолько тщательно, что не сохранилось даже слухов...

— Зато намеренно распространялись другие слухи, — сказал я в ответ на размышления Фрога. — О разбойниках, о хищных тварях живущих в подземных галереях. О магии и тайных святилищах...

— Верно. Следовало отбить у любопытных желание спускаться вниз, — согласился горбун.

— До восшествия на трон короля Вилера первые два-три яруса были заселены нищими, но Вилер и их изгнал. Заботился о сохранении тайны коронованных предков. Видимо, секрет подземного замка передавался каждым государем своему наследнику лично, а записи не велись или не сохранились. Теперь понятно, почему Конан Канах ничего не знал о невидимой крепости — Нумедидес так или иначе не мог сообщить узурпатору тайну, ибо погиб в ночь переворота 1288 года...

— А все-таки, что было написано на пергаментах, которые нашел Селадас? — вяло поинтересовался Гай.

— Да-да, мне тоже любопытно! — подался вперед зингарец. Мальчишка был единственным, кто за прошедшие часы не обуялся плохо скрываемым унынием. Селадас по-прежнему считал, что все происходящее — только интересное приключение и ничего больше.

— В основе — это были планы нескольких ярусов замка, — развел руками Фрог. — указания переходов, каналов, шлюзов, через которые в глубины можно направить воду из Хорота или подземных рек. Словом, подробная карта. Мы теперь находимся на третьем сверху этаже крепости, всего их — девять. Ниже начинаются природные каверны и трещины, ведущие в обиталища Погребенных. Крепость имеет форму близкую к круглой, она действительно похожа на огромную пробку, которой заткнули бутылку. Расположение коридоров только с первого взгляда кажется бессистемным. В действительности они расходятся от центра концентрическими кругами и связаны длинными проходами, причем каждый имеет свое руническое обозначение. Пример: в самом центре нашего этажа расположен главный зал. Его

обозначают руной «ферт». Первый круговой коридор, обводящий зал, помечен рунами «ферт» и «уруз». Второй, соответственно — «ферт», «уруз» и «туре». И так далее. Проходы, которые подобно солнечным лучам рассекают круг от его середины до линии окружности, то есть внешних «стен» крепости, тоже имеют рунические обозначение. Если смотреть сверху, каждый увидит, что постройка изрядно смахивает на колесо телеги — втулка, восемь спиц... Заблудиться в крепости может только законченный дурак.

— Тогда где мы сейчас? — спросил я.

Горбун встал, прошелся по галерее, выискивая надписи и, наконец, остановился под аркой, на которой были выведены поблекшие знаки. Забормотал:

— Значит, если «ферт» — это первая руна асирского алфавита, то «райда» — пятая... Главный лучевой коридор идет от центра четко на Полночь, а до Полуденного таких ходов еще три, значит... Понятно! Мы стоим на углу четвертой круговой галереи и прохода ведущего на Полуденный восход! Замечательно! Идемте! Мне не терпится взглянуть на главный зал и склады возле второй от середины галереи! Надеюсь, прежние хранители крепости не успели вывезти отсюда некоторые вещи — должны же они были оставить часть припасов на случай войны или какого-нибудь непредвиденного бедствия?

Фрог с невероятно самоуверенным видом повернулся в прямой как стрела коридор и, увлекая нас за собой, продолжил самозабвенно проповедовать:

— Не исключаю, что подземная крепость в древние времена служила не только как оборонительное сооружение от опасности, скрытой в недрах. Тут сухо, чисто, можно разместить сокровищницы или хранилища продуктов! Да и стражи Неизвестной Тарантии нуждались в пище, постоянных источниках освещения... Видимо, численность подземной гвардии была невеликой и часть стражей могла состоять из монахов-митрианцев, решившихся навсегда покинуть бренный мир и предаться благочестивым размышлениям в невидимой обители...

— Смотрите, мост! — воскликнул Селадас, когда две круговых галереи остались позади.
— Интересно, зачем он здесь?

Предпоследний (перед центральным залом) кольцеобразный коридор оказался затоплен, это было полное подобие уже встречавшихся нам каналов. Через водную преграду и был переброшен узкий подъемный мостик. На наше счастье он находился в опущенном положении.

— Стоять! — горбун замер у самой кромки воды. — Не будем доверяться обманчивому впечатлению безопасности... Крепость тайная, а как мы выяснили здешняя охрана к незваным гостям относилась без всякого уважения. Ловушки для непосвященных они устраивали нечасто, но со знанием дела. Что-то больно гостеприимно выглядит этот прелестный мостик... Селадас! Найди камень покрупнее!

Вскоре я и зингарский король притащили из соседних проходов несколько крошащихся базальтовых обломков.

— Фрог, это бессмысленно, — вставил свое веское слово Гай, пристально разглядывая мостки. — Мост выглядит довольно крепким, подъемный механизм не поврежден, канатики не веревочные, а свиты из стальной проволоки... Выдержит обязательно!

— Отойди, — рыкнул Фрог, взял в левую ладонь полдесятка камней, прихватил в правую самый большой, прицелился, размахнулся...

Ничего. Обломок разбился от удара, мелкая крошка покатилась по толстым, оплетенным железными полосами доскам, часть свалилась в воду с тихим всплеском.

Второй камень, третий, четвертый... Никаких результатов. Тишина и благолепие. Нет здесь никакой коварной западни! Фрог смотрел разочарованно.

— Но я же чувствую! — с надрывом воскликнул он. — Прямо-таки всей кожей ощущаю

— дело нечисто!

— Фрог, ты чересчур утомился, — снисходительно проговорил я, не церемонясь отодвинул горбuna и шагнул на мостик. Быстро прошелся туда и обратно, легонько подпрыгнул. Рассмеялся.

... И был ухвачен крепкой рукой Гая за ворот. Гай мгновенным движением буквально выдернул меня с моста, швырнув на пол галереи. Дальнейшее я затрудняюсь описать. Черная вода вскипела, забурлила, покрылась серой противной пеной, из-под мостика полезло что-то длинное и извивающееся, сразу напомнившее клубок змей, потом на камень вползло зеленовато-студенистое тело, коему и принадлежали вытягивающиеся щупальца — десятки разбросанных по туловищу круглых глазок со щелями неподвижных зрачков, распяленные пасти с терками мелких зубов, какие-то шевелящиеся ворсинки, бахрома ножек... Отвратительное зрелище. Никогда не думал, что подобные твари вообще могут существовать на свете.

— Бежим! — взвизгнул Фрог, сцепил ошеломленного Селадаса за руку и потащил по коридору. Меня и Гая тоже не пришлось долго уговаривать — тварь была слишком несимпатичной и имела бессмысленно-угрожающий вид.

На четвертом или пятом шаге я упал: что-то тонкое и очень прочное оплело мою ногу. Резко заболела лодыжка — ее будто перетянуло стальной арбалетной тетивой. Не спасал и толстый походный сапог воловьей кожи.

— Зажри тебя Нергал! — в голос заорал я, мешком шлепаясь на прохладный камень. Гай мигом повернулся обратно, выхватывая кинжал. — Пошла прочь, тварь!

Обитатель подземных вод выбросил тонкое, как ус гороха, щупальце с коготочком на конце, оно обвило мою ногу наподобие аркана и сжалось с невероятной силой. Сам водяной зверь больше чем наполовину вылез на берег, десятки его рук ползли в мою сторону, а десятки глазок чудища смотрели на меня с хладнокровным бесстрастием.

Гай рубанул по бледно-зеленому отростку, но острейший кинжал не сумел отсечь щупальце зверя — оно оказалось упругим до невероятия. Гай ткнул факелом — безуспешно. А новые руки-змеи существа подползали все ближе и ближе. Вот теперь я испугался по-настоящему.

— Сапог! Сапог сбрасывай! — раненым быком взревел Гай, схватил меня под мышки и начал тянуть в противоположную от канала сторону. Сапог сползл неохотно, но в самый последний момент все же соскочил и щупальце немедленно потащило его к туловищу зверя. Я успел заметить, как моя злосчастная обувка исчезла в одной из зубастых пастей твари.

— Сожрал, подлец! — выдохнул я, и, прихрамывая, рванулся вслед за Гаем. Нога болела нестерпимо. — Боги, да что это было?

— Не уверен, что я хочу это знать, — выдохнул Гай. — Жуть какая!

Фрог и Селадас ожидали рядом с поворотом в пятый круговой коридор, означенный набором рун от «ферт» до «кано». Преследования не замечалось. Скорее всего, страж побаивался отходить далеко от воды.

— Покажи ногу! — немедленно потребовал карлик. Я уселся возле стены, пытаясь отдышаться, а Фрог быстро разрезал кожаную штанину, и присвистнул. Было видно, что на коже остались ярко-красные следы. Будто после удавки. Но до крови голень не порезало.

— Отделались легким испугом, — заключил горбун. — Обменяли стоптанный сапог на наши жизни — выгодная сделка. Знаете, кого мы повстречали? В детстве, когда я из-за болезни не мог играть со сверстниками, и был прикован к своей комнате, будто к тюремной камере, я прочитал все книги из библиотеки замка Логан. Особенно увлекался воспоминаниями путешественников. Это животное упомянуто и в «Странствиях барона Харта Альзаса по морям Полудня» и в «Описании царства зверей, рыб и птиц» знаменитого ученого мужа Орибазия Достопочтенного.

— Значит, это не демон? — поинтересовался Гай

— Обычный хищник. Бывали на Побережье, видели медуз? Наше чудище является отдаленным родственником медуз, но обитает в пресной воде, в реках Дарфара. Способна вырасти до впечатляющих размеров. Очень опасна и ядовита. Царьки Полуденного материка используют этих животных в качестве охранников своих крепостей — запускают в ров несколько штук, кормят. А когда тварь подрастет и начнет охотиться, лучшего стражи не найти! Но! Было замечено, что зверюга проявляет агрессивность, только услышав некий особенный звук или когда очень голодна. Несомненно, сейчас мы столкнулись с этими двумя особенностями. Полагаю, тварь живет впроголодь, а когда Ротан неосмотрительно прошелся по мостику, доски несколько необычно скрипнули — я это услышал. Мастера, создававшие мост сделали так, чтобы любой неосторожный пришелец наступил на особое место, издающее надлежащий сигнал, привлекающий тварь...

— Но если подземную крепость покинули три-четыре столетия назад, и чудище не кормили, то... То как оно выжило? — озадаченно спросил я. — Или оно бессмертно?

— Если животных было несколько, они могли размножаться и поедать своих потомков... Кроме того, откуда мы знаем, вдруг каналы связаны с руслом Хорота и в них обитает рыба? Гай, сходи посмотри, зверь еще не вернулся в воду? Ротан, хлебни вина из фляги, тебе будет полезно. Так или иначе, мы обязаны прорваться к центральному залу крепости! Возможно, там отыщется путь к спасению.

Гай ушел на разведку, а Фрог неустанно таращел, обращаясь ко мне и Селадасу:

— Я, признаться, потрясен! Доставить в Аквилонию несколько детенышей этого опасного животного, сохранить в дороге, кормить, лелеять... Содержать многорукую тварь гораздо сложнее, чем леопарда или нордхеймского мамонта! Какие силы, какие средства были израсходованы на строительство и обустройство подземной крепости! И никто, кроме посвященных, не знал о ней! Теперь я готов поверить в легенды о наших великих и мудрых предках, превосходящих своих бессильных внуков в любом деле!

— Зверь сидит на берегу и не желает уходить, — появившийся из мрака Гай был встревожен и недоволен. — Я швырялся камнями, но он их ловил и отправлял в рот... Думаю, тварюга устроилась возле моста надолго. Очень уж ей хочется пообедать.

— Обойдем! — решил карлик. — Доберемся до следующего кругового коридора, выйдем на лучевой и попробуем снова. Если мы сдадимся — всю жизнь проведем в затхлых подвалах! Ротан, иди можешь?

— Могу, конечно, — прокряхтел я, заодно скидывая уцелевший сапог. Босиком идти не очень удобно, зато не придется хромать. — Изумляюсь твоей решимости и жизнерадостности, о, королевский шут!

— А мне просто нечего терять, — оскалился Фрог. — Все уже потеряно при рождении, когда я появился на свет... таким. Таким необычным.

— Кстати, я всегда терялся в догадках, почему ты прижился при дворе Конана? — спросил я, поднимаясь. — Король-варвар недолюбливал... не совсем обычных людей. И шутов. А тебя Конан уважал. Конн тоже благоволит...

— Я оказал киммерийцу одну маленькую услугу. Совсем незначительную, — отмахнулся Фрог. — И попросился к варвару щутом, не в канцлеры же метить?.. Потом расскажу эту байку. Когда — и если! — выберемся. Обещаю твердо...

Поворот налево, больше сотни шагов до следующего коридора — луча, идущего от середины круга к его краям, вновь налево. Это уже была галерея ведущая строго на Восход. Еще один мостики — такой, как и прежде. Никаких признаков присутствия зубастой и рукастой твари, порожденной тягучими илистыми реками таинственного Дарфара.

— Зверь неподалеку! — пригрозил Фрог, рассматривая мост. — Наступим на сигнальную

доску — он появится немедленно, и единственным проглощенным сапогом мы теперь не откупимся... Постойте, кажется, я понял ход мыслей строителя лабиринта! Нормальный человек, увидев мост, не размышляя, по нему пройдет. Своими ножками. И даст сигнал чудищу. Наверняка, посвященные знали, как избежать появления тревожащего звука, но мы ведь не знаем... Когда я прошлый раз бросал камни, сигнал не последовал, очень уж слабым оказалось воздействие бульжников. Мысль такова: стоя на ногах человек очень тяжел, он давит всем своим весом на подошвы сапог! На тяжесть невнимательного гостя и рассчитана ловушка. А когда мы лежим, наш вес равномерно распределяется по всей длине тела! Мост следует не переходить, а аккуратно переползать! Уяснили?

Горбун опустился на четвереньки, затем улегся и быстро пополз вперед. Как я не прислушивался, предательский скрип не возник. Фрог уже находился на противоположном берегу. Жестами звал нас. Первым прополз зингарский король, явно решивший слушаться невзрачного, но решительного и хитрого уродца, потом я, а за мной — Гай. Только под его немалым весом дерево мостков прогнулось и тонко запел сигнал. Но мы уже вскочили и со всех ног бросились к главному залу крепостного яруса. Оглянувшись, я узрел, как водяное чудище выбрасывает на берег тонкие, бессильно шевелившиеся щупальца.

— Восхитительно! — тонкие взвизгивающие крики, вырвавшегося вперед Фрога, донеслись откуда-то спереди. — Скорее сюда! На такое стоит взглянуть!

Свет. Настоящий дневной свет! Откуда он здесь, в глубинах забытой твердыни? Я, король Селадас и Гай ворвались с огромный зал с высоким куполом и остановились в недоумении. Это было красиво и жутко одновременно. Маленький горбатый карлик портил все впечатление — Фрог бегал кругами, воздевал руки, нечленораздельно голосил и неразборчиво воссторгался. Ему здесь нравилось, это точно.

Запись четвертая

в которой мы изучаем чудеса

Подземной крепости, а затем низвергаемся

в таинственные глубины...

Какие чувства возникают у верного подданного трона, когда на главной башне столицы поднимается знамя государства, флейты и трубы, вкупе с хором выводят «Аквилонскую песнь», а король, восседая на белом коне возглавляет торжественный парад гвардейских сотен?

Ликовение, прозрачная, видимая радость, ощущение гордости за свое великое королевство сливаются в одно чувство, которому пока не придумали названия. Слышал я такое ученое словечко: «катарсис». Оно означает высшую степень душевного подъема и восторга, то самое настоящее счастье, которое, вроде бы, недостижимо смертному...

Ничего подобного! Достижимо. Вполне.

Именно такой катарсис я получил в полной мере, оказавшись в центральной зале третьего

яруса удивительного сооружения, возведенного нашими предками. Не знаю, как они это сделали. Они — древние строители, сумевшие идеально сочетать грубые и мрачные катакомбы с настоящим храмом света и сияния, раскинувшимся глубоко под улицами «верхнего» города.

Архитектор, возводивший подземные укрепления, видимо, пользовался советами богов. В зале никогда не требовались светильники — под куполом громоздилась хитрейшая система зеркал, рассеивавших и усиливавших лучи естественных светил, неким чудесным поступавшим сверху. Если днем это помещение (в котором, само собой, не имелось ни одного окна или заметной глазу посетителя световой шахты, ведущей наружу) освещалось мягкими солнечными лучами, то безоблачными ночами его наверняка окутывала таинственная серебристая синева звезд и луны, восходившей над миром после заката. Откуда сейчас распространялся свет, не понял и искушенный во всяческих хитростях Фрог — закатное солнце проникало в закрытое со всех сторон помещение, будто по велению удивительного волшебства...

... Проникало и ложилось на янтарь. Статуя Митры в центре зала, инкрустация арок, ведущих в лучевые коридоры, мозаика на полу и стенах — на изготовление любой вещи пошли «морские слезы», чудесный материал, во множестве добывавшийся на побережье Нордхейма и в полуночной Гиперборее. Зал будто светился изнутри, человек ощущал себя здесь так, словно он оказался в центре сгустка Неугасимого Жара, из которого был создан мир.

— Здесь было святилище! — орал королевский щут, беспорядочно жестикулируя. — Видите изваяние Солнечного бога и его символику на алтаре? Люди верили, что Пресветлый защитит город от неведомой угрозы... Не знаю, как обстоят дела на прочих ярусах крепости, но я предполагаю, что в каждом центральном зале обязательно должно быть нечто особенное и столь же великолепное! Эх, кто мне объяснит, как сюда доставляются солнечные лучи? Видите, видите, освещение становится более тусклым — это означает, что на поверхности заходит солнце! И как красиво — янтарь пылает золотом и багрецом, всеми мыслимыми оттенками, меняя цвета с каждым мигом! Да, зрелище умопомрачительное. Никогда не видел ничего красивее и роскошнее. Янтарь, золото, снова янтарь, желтая яшма и опять янтарь... Сколько же средств казны сюда вложили прежние короли! Сколько усилий потрачено создателями!

Главный зал резко контрастировал с невзрачными и пыльными переходами внешних коридоров, но почему так было задумано — теперь никто не догадается.

— Фрог! — я довольно резко оборвал излияния карлика, не устававшего громко воздавать хвалы мудрости и умениям древних. Селадас, вдоволь отвосхищавшись, вынул ножичек и сделал несколько безуспешных попыток выковырять янтарные плитки. — Фрог! Не забыл, нам надо идти наверх! Если судьба позволит, мы сюда обязательно вернемся и вдоволь насладимся чудесами прошлого. Мы голодны. Мы устали. Неподалеку нас подстерегают водяные чудовища... Фрог, уймись. Надо выбираться.

— Справедливо, — горбун оборвал себя на полуслове, вновь приобретая сосредоточенный вид.

— Карту я запомнил наизусть... Вы наверняка хотите покушать? Попробуем это устроить. Пусть Солнцезарный Митра (щут отбил неловкий поклон в сторону громоздящегося посередине залы изваяния) не позволит мне ошибиться. Заметим, статуя традиционно повернута лицом к Полудню, туда же обращен алтарь. Отлично! Теперь, когда мне известны стороны света, мы можем начать разыскания. Нам нужен первый круговой коридор «ферт—уруз», Восходная сторона, двери обозначенные рунами «науд—инг», то есть «нужда» и «богатство». Хранилища крепости именовались не числительными, а смысловыми значениями рун, как я понял. За мной!

Следуя за неугомонным речистым коротышкой, мы свернули в коридор обходящий кольцом главный зал. Фрог, быстро нашел нужную дверь. Обычная каменная плита, каких мы в достатке видели раньше.

— А как открыть? — озадачился Гай, взирая на гранит. — Механизм?

— Скорее, магия, — Фрог оттеснил гвардейца от двери, почесал в загривке, дотронулся до несокрушимого камня. — Кажется, догадался! Руна — это слово, понятие, звук. Любая магия основана на сочетании звуков и тайного смысла. Вовсе не надо быть волшебником, чтобы открыть заслон. «Науд» и «Инг» обозначают содержимое комнаты. А другая руна — «Тьюр», всегда является знаком повеления. Смотрите! Фрог внятно, по очереди произнес имена трех рун. Плита не шелохнулась.

— Значит, «Повеление» надо было ставить в начале заклинания, — упрямо сказал карлик.

— Попробуем снова. Тьюр! Науд! Инг!

Тяжеленный прямоугольник белого гранита медленно отполз в сторону, явив проход в большую квадратную комнату. Селадас восхищенно захлопал в ладоши.

— Захотим закрыть, — самодовольно заявил Фрог, — добавим к заклинанию руну «Иса», отвечающую за финал задуманного дела! Как просто! Наверняка, эти помещения строились при помощи гномов — знакомая магия, рудознатцы пользуются такими же рунами...

— Ты еще и колдун? — усмехнулся я. — Не предполагал, что самозванный шут короля владеет магией!

— Ничего подобного! — возмущенно отрекся Фрог. — Просто я умею думать, а все прочитанное или услышанное навсегда откладывая на запыленные полочки моей памяти. В отцовском замке мне приходилось читать трактат о рунической магии — самой простой и незамысловатой из всех разновидностей волшебства, доступного почти каждому человеку. И только подумайте, пригодилось! Пощаще проводите время в библиотеке за мудрыми трактатами, а не расходуйте целые дни на ратные потехи! Чтение дарует сообразительность... Это бесплатный совет, молодые месьоры.

— Молодые... — эхом повторил Гай. — Фрог, извини за неуместное любопытство, но сколько тебе лет?

— Тридцать два года от рождения, — скривился горбун. — Да, представьте себе. Из них двадцать пять я непрерывно провел за книгами. Полагаю, за такое время вполне можно получить образование, достойное самого выдающегося преподавателя из Обители Мудрости нашей столицы.

— Здорово! — ахнул Селадас. — Наверное, за двадцать пять лет ты прочитал уйму книжек!

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — снисходительно проворчал карлик и взглянул на открытую дверь. — Заглянем? Вдруг найдем нечто интересное?

Сундуки. Ящики, обшитые толстенной шершавой кожей гиппотовавров. Несколько кувшинов, нагло запечатанных политыми черной смолой пробками. Я вскрыл один, обнаружив внутри отлично сохранившееся ламповое масло. На железной подставке — десяток ламп со слюдяными зеркалами. Понятно, для чего приберегались кувшины.

Фрог в это время рылся в кипе пергаментов, валявшихся на низком столе.

Гай сторожил у входа и на всякий случай передвинул в проем большущий сундук — вдруг дверь закроется? Селадас предпочел остаться снаружи — не забыл о судьбе обнаруженного недавно мертвеца.

— Это опись хранящихся здесь ценностей! — провозгласил Фрог, осмотрев пергаменты.

— Написано на староаквилонском, и в целом подлинность рукописи не вызывает сомнений. Ротан, будь любезен, вскрой... Вскрой во — он тот большой ящик, помеченный печатью со львом!

Замок долго не поддавался острию кинжала, однако современность оказала верх над стариной. Скрипнули невидимые пружины, я откинул крышку. Под ней виднелась темная промасленная ткань. А под ней...

Все виды и разновидности драгоценных камней, граненых и необработанных, мешочки с

золотыми самородками, чудесные стариинные изделия. Потрясающее своей красотой навершие посоха, украшенное узором из сапфиров и изумрудов. Жемчуг. Топазы. Редкостный зеленый аметист. Статуэтки из фиолетового чароита, ценящегося наравне с бесценным опалом. Кристаллы хрустала. Квадратные слитки платины с клеймами давних аквилонских королей. Перстни с незнакомыми гербами.

С ума сойти!

Если все ящики, хранящиеся в комнате, забиты камнями и золотом, то здесь собрано больше драгоценностей, чем наличествует ныне в казне Аквилонии! А если и меньше, то ненамного!

— Ничего интересного, — заявил Фрог, бесстрастно осмотрев содержимое ящика.
— Сейчас деньги нам не нужны. Я догадывался, что древние государи считали подземную крепость надежной сокровищницей и отправили сюда часть нерастренных богатств... Или это приношения святилищу Митры, подарки божеству? Ротан, ничего не трогай! Сокровища нам не принадлежат, не следует покушаться на чужие богатства. Однако, пойдем дальше. Нам требуется нечто другое.

— Что именно? — переспросил я, завороженно глядя на камни и золото, мерцающие под огнем факела.

— Наши жизни. Придется повоевать с подземельем за обладание этой единственной и неповторимой ценностью. Надеюсь, война окажется победоносной...

Увы, но пристальное обследование располагавшихся в первом круговом коридоре складских помещений, принесло крайне скучные результаты.

Всего комнат оказалось восемь, как раз по числу коридоров, лучами расходившихся от зала — святилища. В трех было пусто, две комнаты оказались доверху забиты тяжелыми золотыми слитками с вычеканенным вензелем короля Дагоберта Шестого (это означало, что уже четыреста пятьдесят лет назад сокровищницы были заполнены), и только в предпоследней комнате мы обнаружили требуемое: связки факелов, запечатанные кувшины с горючей «боссонской смесью», в которую окунают черенок с намотанной на него шерстью, старинные зеркальные лампы и непонятные яички, содержимым которых, немедленно заинтересовался Фрог.

— Очень интересно, — гнулся карлик, вскрыв одну из медных коробок, размером примерно локоть на пол—локтя. К самому ящику был приделан кожаный ремень, по прошествии лет совершенно иссохший. — Что бы это могло быть? Посветите, я хочу разобраться!

Мы встали в кружок, наблюдая, как наш ретивый проводник вынимает из коробки странные штыри черного металла, в чем-то похожие на арбалетные болты. Девять аккуратно уложенных стержней разнились только набором зазубрин с узкого конца и украшением на широком — на оконечье каждого стержня был закреплен тщательно ограненный цветной камень.

— Почти весь набор радужного спектра, — прищелкнув языком сказал Фрог. — Изумруд, сапфир, рубин, белый жемчуг — только посмотрите, какой крупный! — янтарь, топаз... Ого! Черный алмаз, причем настоящий, не подделка! Ничего не понимаю! Зачем хранителям крепости понадобились эти стержни?

— Может быть, это набор ключей? — здраво предположил Селадас.

— Возможно... Однако, тут не меньше десятка подобных ящиков! — Фрог поднял крышку на другой коробке, внутри которой находились совершенно аналогичные вещицы. — Да, похоже на ключи. Только от каких дверей? Замечу: на карте этого яруса я не заметил никаких отметок, указывающих на лестницу, ведущую наверх или вниз, а если таковая и есть, я не думаю, что хозяева крепости запирали проход на целых девять замков... Хватит и одного, достаточно хитроумного.

— А я такую штуковину уже видел! — вдруг огорошил нас Селадас. — Она валялась возле

скелета, рядом с которым я нашел карты...

— Так что ж ты раньше молчал?! — рявкнул Фрог, но мигом остыл. — Ты просто не обратил на нее внимания — кому нужна старая железка? Она лежала на костях?

— Рядом, — кивнул мальчишка. — Я ее ногой оттолкнул. Помню, при свете факела блеснуло желтым, словно золотом или янтарем.

— Желтым, желтым... — быстро пробормотал карлик. — Зажри меня Сет, отгадка совсем рядом, но я не могу нащупать истину! Хорошо! Забирайте факелы, лампы, идем осматриваться дальше. А ящичек я приберу — пригодится. Унесу хоть что-то на память о городе—призраке...

Наконец, мы вскрыли последнюю, восьмую комнату. И тут пусто. Я недовольно сплюнул и хотел 'повернуть назад, однако тонкие пальчики горбuna вцепились мне в штанину.

— А ну постой... Гай, Селадас, огонь сюда! Ничего странного не замечаете?

Такое же помещение, что и семь уже осмотренных, — самоуверенно заявил я, но примолк, заметив свою неправоту.

Если прежние комнаты—склады были выложены камнем, то эти стены отсвечивали гладким отполированным металлом. На углах и потолке следы клепки.

— Зайдем! — Фрог прошмыгнулся внутрь и задрал голову. — Комната обшита бронзовыми листами, только дверь каменная... Очень странно.

— Может, здесь хранили особенно ценные вещи, а потом вывезли? — предположил Гай.

— Ответ на загадку и проще, и сложнее одновременно, — процедил горбун и внезапно взвизгнул так громко, что мы втроем вздрогнули. — Есть! Вот она, лестница на другие ярусы! Следовало сразу догадаться! Не зря меня кличут дураком!

— Не ори, а объясни по-человечески, — потребовал я, но Фрог ухватился за найденную коробку с непонятными штырьками и вытащил первый попавшийся стержень.

— Сходится! — ликовал карлик. — У мертвеца был желтый ключ! Святилище Митры отделано янтарем и золотом, цветами Солнечного бога! Смотрите — вот и замочные скважины!

На дальней стене действительно обнаружились девять узких прорезей, черневших на высоте груди человека.

— И как же действует этот замок? — озадачился я.

— Каждый ключ соответствует одному из ярусов-этажей подземного замка, — пустился в объяснения Фрог. — По цвету. Желтый, с янтарным наконечником — знак Митры, оберегающего третий сверху уровень крепости. Одна беда — нам неизвестно, как расположены остальные ярусы. Придется повозиться, чтобы подобрать нужный ключ к первому, самому верхнему.

Горбун взял стержень с сапфиром, рассудив, что синий цвет может символизировать голубое небо, к которому мы так стремились, потыкал им в крайнее слева отверстие, но ключ застрял. Пришлось приложить немало усилий, чтобы его вынуть.

Только с четвертой попытки зазубрины стержня вошли в соприкосновение с механизмом замка — ключ по самое навершие вошел в четвертую левую скважину.

Фрог, с самым торжествующим видом повернулся к нам, но... ничего не произошло. Только где-то за стеной приглушенно щелкнуло.

— Неудача! — Фрог, похоже, ничуть не расстроился. — Ага, кажется, знаю, в чем трудность. Заходите внутрь. Да заходите же, я никого не обижу, куда мне, маленькому и слабому... Нечего бояться! Хуже не будет!

Горбун на мгновение выглянулся в коридор, снова прочел руны, вернулся, простер над головой руки, уподобляясь завязанному волшебнику, громко произнес имена магических символов, добавив в финале руну «Иса» — знак окончания любого дела.

Тяжеленная каменная плита сдвинулась, повернулась вокруг вертикальной оси и нагло запечатала комнату. Мы оказались в запертом каземате. Язычки пламени фонариков едва

заметно колыхнулись.

— Если мы не выберемся в коридор через полколокола — задохнемся! — напомнил я Фрогу.

— Лампы сильно коптят...

— Выберемся! — беззаботно отмахнулся Фрог.

— Только вот вопрос — куда? Теперь приготовьтесь — строители крепости были изрядными выдумщиками, и мы увидим нечто неожиданное...

Королевский шут снова повернул ключ. Абсолютная тишина нарушилась только нашим напряженным дыханием и потрескиванием ламповых фитильков.

— Как обидно! — через некоторое время воскликнул Фрог. — Это настоящий обман! Почему не действует?

— Тихо! — воскликнул Гай, поднимая руку. — Ничего не замечаете?

Издали донесся постепенно усиливающийся шум водного потока. Пол под ногами ощутимо вздрогнул. И вдруг каменная дверь, ведущая в круговой тоннель, поползла вверх...

— Митра Пресвятой... — только и выдохнул я, а испуганный Селадас прижался к Гаю.

— Мы опускаемся! Комната опускается!

— Нашли диковину! — презрительно фыркнул карлик. — Старая шутка, правда, редкостная. Скорее всего, ключом приводится в действие механика, открывающая шлюз на подземной реке. Падающая вода приводит в действие другой механизм, вроде водяной мельницы. Вращаются шестеренки, натягивающие канаты, и бронзовая коробка, в которой мы находимся, начинает двигаться по вертикальной шахте... Жаль, что я перепутал символику ключей и случайно выбрал неверное направление. Но ничего — теперь мы знаем смысл действия здешней механики и скоро поднимемся на верхний ярус! А оттуда — в город! Замечу, такие водяные подъемники часто используются в Стигии при постройке пирамид. Я читал...

— А о том, куда нас везут, ты не читал? — огрызнулся я. — В царство Нергала? Смотри, новая дверь...

Бронзовая комната опустилась на три яруса и внезапно остановилась перед каменной плитой, в точности копирующей все прежние.

— Мы были на третьем сверху этаже, оказались на шестом, — проговорил Фрог.
— Выглянем наружу? Ведь интересно!

И, не дожидаясь всеобщего согласия, карлик вскрыл дверь уже знакомым набором рун. Нехитрое заклинание подействовало безукоризненно.

— Из-за его интереса мы пропустим торжественный ужин в замке, — доверительно сообщил я Гаю и Селадасу. — А ведь государь Пограничья и король гномов Дьюрин наверняка уже приехали в Тарантию...

— Матушка на ужин не пойдет, — огорченно сказал зингарский король. — Она, наверное, беспокоится за меня. Признаюсь, я бы очень хотел посмотреть на короля Эртеля — никогда не видел настоящего живого оборотня. Мы скоро вернемся домой?

— Успеется, — я потрепал мальчишку по голове и шагнул в темень коридора. — Фрог успел исчезнуть из виду, скрывшись за поворотом. — Гордись: потом будешь всем рассказывать, как побывал в тайном городе, построенном под землей. Уверен, раньше никому не доводилось участвовать в таком необычном приключении!

Верно, приключение необычное. И это весьма мягко сказано. Если произвести нехитрые подсчеты, то выйдет, что самый нижний, девятый ярус Невидимой Тарантии расположен на весьма изрядной глубине. Возьмем самое высокое сооружение столицы — донjon королевского дворца возносящийся к небу на целых девяносто локтей — надстроим башню вдвое, закопаем в землю и все равно получится, что рядом с древним сооружением донjon будет выглядеть довольно жалко. Неужели исходящая из глубин опасность была настолько велика, что

аквилонские короли, не жалея сил и средств, возводили (тайно!) этот невероятный замок?

— Не думаю, что мне хочется разгадать этот секрет прежних эпох... Меньше знаешь — крепче спиши.

— Эй, где вы застряли?! — разнесся по лабиринту голосок Фрога. — Взгляните! Я был непогрешимо прав — на каждом ярусе устроен храм, посвященный одному из божеств нашего материка! Сапфировый цвет ключа означал лазурные покровы Иштар! Мы во владениях богини добра и любви... Идите же, насладитесь зреющим. Здесь еще красивее!

Если бы Фрог знал, насколько мне опротивели удивительные красоты вкупе с несчитанными тайнами потаенного замка, карлик немедля отвез всю компанию наверх и употребил свои умственные способности не на разгадку стаинных секретов и замыслов строителей, а на поиски выхода.

Бессспорно, посвященный Иштар зал был прекрасен — синева аметистов, нефрит, искорки голубого хрустала и все такое прочее. Холодный бесстрастный камень искрился тысячами бликов, темными звездами мерцали глаза изваяния богини, сделанные из огромных сапфиров... Но жизни здесь не было, и быть не могло. Мы постепенно начинали мерзнуть. Мои босые ноги заледенели.

Фрог тем временем порывался снова учинить обыск на ярусе, однако наткнулся на стойкое сопротивление — возражали все, включая короля Зингары. Хотелось есть и спать, а самое главное, нас начали тяготить каменное небо, невыносимая тишина склепа и полное ощущение оторванности от мира. Мы словно бродили по гигантской могиле. Не спасало и присутствие изумительной статуи Всеблагой Иштар — даже от нее веяло холодом и безжизненностью.

— Надоело! — я взбунтовался первым. — Возвращаемся к подъемнику и едем наверх! Если тебе, Фрог, хочется — попросишь у короля организовать особую экспедицию в подземный замок. Потом. Без нас можешь бродить по этому леднику хоть целую вечность! Подумай хотя бы о Селадасе — ребенок устал. И Чабела сама не своя от тревоги!

— Подчиняюсь грубому насилию, — карлик сделал постное лицо. — Удивляюсь вам, мои дорогие соратники: случайно обнаружить главнейший секрет нашего государства и оставаться при этом настолько приземленными! Ротан, я обязательно последую твоему совету и потребую у Конна снаряжения полноценной экспедиции! Мы обязаны знать, что находится под нашими ногами! Подумать только, сотнями лет тарантийцы ходили по улицам столицы, не подозревая о скрытом в глубинах чуде архитектуры и мысли!

— Хватит! — я довольно бесцеремонно подтолкнул Фрога в спину, направляя к подъемнику. — Потом будешь восторгаться. Когда вылезем из этих крысиных нор.

— Тупоумный неуч именует великое творение предков «крысиными норами»! — возмущенно запищал Фрог. — Твой многоученый батюшка отдал бы тебя на растерзание гиенам за такие слова! Между прочим, барон Хальк Юсадаль всегда был охоч до тайн и чудесных приключений — вспомним любое его путешествие!

Сопровождаемый щутливо—серезными воплями Фрога, я загнал всю компанию в бронзовую комнату и вопросительно взглянул на шута. Фрог вздохнул, но полез в коробку за ключами от механизма.

— Рассудим логически, — начал зудеть он, подбирав нужные стержни. — Каждый ярус обладает своим божественным покровителем, который в свою очередь имеет свое обозначение в цвете. Митра — золото. Иштар — сапфировая лазурь. Посмотрим... Эрлик наверняка обозначен красным. Зеленый цвет всегда принадлежал Дэркето. Бел — вор и обманщик — владеет серым цветом... Видите, полуопрозрачный кристалл хрустала на ключе? Черный, символ Тьмы — Сет Змееликий, повелитель злобных теней. Белый камень может символизировать и Митру, но мы выяснили, что Солнцезарный владеет золотым залом... Кто же остальные? Нергал, Керуннос,

Аriman? Невозможно! Выберем метод проб и ошибок: чтобы попасть наверх следует подобрать ключ к крайней справа скважине.

Первый же ключ подошел — Фрог, направляемый неведомым предчувствием, отправил в скважину стержень, на котором сиял алмаз чистейшей воды — прозрачный, незамутненный, подобный упавшей звезде.

Может быть, он символизировал незнакомого людям Творца Всех Богов, о котором порой говорили смутные легенды, далеко не всегда поощрявшиеся ярыми последователями привычных нам культов?

Хлюпнула толстая гранитная дверь, закрывая проход. Ключ повернут. Осталось подождать совсем недолго — хитрая механика должна заработать.

Прекрасно! Бронзовый куб, внутри которого мы находились, вздрогнул и лениво пополз наверх. На самом излете восприятия слышался рев водяного потока...

— Момент! — Фрог внезапно насторожился. — Я ошибаюсь или наверху потрескивает?

Карлик не ошибался. Подъемник начал замедлять ход, а над нашими головами отчетливо раздавались непонятные щелчки. Будто... Будто рвались веревки!

— Падайте! На пол! — истошно заорал шут и подал пример: рухнул на толстую бронзу пола движущейся комнаты.

Я сбил с ног Селадаса и притянул к себе. Гай промедлил, не понимая, что происходит. И тотчас воспарил к потолку, словно птица! Да и я почувствовал, как отрываюсь от твердого и надежного металла. Последовало краткое, но исключительно неприятное мгновение свободного падения.

В детстве мы прыгали с третьего этажа замка в огромные стога сена, возвышавшиеся на хозяйственном дворе. Мне сразу вспомнилось это ощущение — будто желудок отделился от туловища и летит вслед за тобой в десятке локтей позади.

Удар был страшен. Грохот, скрежет ломающейся бронзы, Гай рухнул сверху на меня и Селадаса, Фрог тонко пищал, словно попавший в ловушку мышонок. Катастрофа продолжалась всего один миг, однако мне почудилось, будто мы падали целую вечность. На этот раз я оказался единственным, кто не потерял сознания. Почему — не знаю. Наверное, просто повезло.

Две лампы не погасли. Когда осела пыль, я сумел поднять голову, протереть запорошенные глаза. Движения давались с трудом. Бронзовый куб подъемника искорежен. Прогнулся потолок, стены пробиты острыми камнями, показывающими зазубренные лезвия из рваных прорех. Пол невероятно выгнут и тоже разорван. Но с той стороны, где должен быть проход в галерею ясно виден прямоугольник черноты. И оттуда идет поток воздуха! Затхлого, подземного, но все-таки воздуха! Я схватил лампу, прополз наружу, немного полежал, приходя в себя...

С трудом заставил себя подняться на ноги и вытащить остальных. С Фрогом и Селадасом трудностей не возникло — они маленькие, легкие, а я отнюдь не являюсь слабосильным недомерком.

Гай, однако, крупнее и тяжелее меня. Ничего, справлюсь. Подхватил его правой рукой за плечо, левой — за ворот. Поволок.

Разложил всех троих рядочком. У Гая явно сломана рука ниже локтя. Фрог вроде бы цел и невредим, но продолжает пребывать в обмороке.

На лице короля Зингары кровавый потек, рядом с правым виском. Ударился о камень, прорезавший наш подъемник? Наверное... Так или иначе, помочь им я ничем не могу. Сами придут в себя.

Я нашел единственный мешок, наполненный взятой в замке небогатой поклажей, вынул деревянную баклагу с красным сладким вином и опустошил почти на треть. Очень хотелось осушить ее до дна, но совесть не позволила — остальным тоже пригодится. Вино подействовало

сразу, придав сил и решительности. Еще бы — не ел целых восемь колоколов. Наверху, наверное, бывают полночь...

— Ротан... Эй, проклятый мальчишка... Слышишь меня?

Отлично! Фрог очнулся! Будет на ком сорвать злость. Но злости почему-то не было. Расхотелось кричать и обвинять в наших бедствиях другого человека. Фрог не виноват. Да никто не виноват, кроме невнимательного камердинера, приставленного к любопытному маленькому зингарцу.

— Мы упали? Сорвались с канатов? — шут, кряхтя сел, и потер ушибленную грудь. — Боги, как мерзко... Тошнит. Я должен был предполагать, что механизм подъемника за столько лет придет в негодность, что он ненадежен!

— Оставь, — сплюнул я. — Это был единственный выход наверх. И мы попытались. Теперь надо выяснить, куда нас занесло.

— А чего тут выяснять? — Фрог нескладно и смешно, как получается только у карликов — уродцев, встал и принял отряхиваться. — Ниже пола не упадешь. Девятый ярус. Мы рядом со склепами Погребенных. Да-да, тех самых Пламенных Плетей. Именно тут, если верить найденной карте, заканчивается подземная крепость. Первый рубеж обороны. Что с остальными?

— В обмороке, — отозвался я. Все тело болело жутко, словно между жерновами побывал.

— Пускай отлеживаются, — сказал Фрог. — Ротан, ты в состоянии прогуляться со мной? Я обязательно должен посмотреть, какому богу посвящено святилище этого яруса! Это действительно важно!

— Пойдем, если важно...

Нижний уровень крепости ничуть не походил на два предыдущих, виденных нами. Настоящие пещеры. Пробитые в скале низкие ходы, только промежуточные арки грубо выложены отесанными камнями. Ползают огромные, с ладонь, светящиеся слизни — они дают постоянный призрачный свет, да такой яркий, что дорогу можно разобрать без фонарика или факела.

Под ногами шмыгают неприятного вида насекомые, похожие на помесь пауков и сороконожек. Наверху ничего подобного я никогда не видел. В глубинах катакомб слышатся шорохи и стрекот — будто неподалеку обосновалась целая стая гигантских сверчков. По бугристым стенам медленно течет белесая слизь. Странная плесень — раскидистая, будто мох, и одновременно шевелящаяся. Между непрестанно изгибающихся кустиков проползают невиданные прозрачные твари, величиной с мышку — скользкие, похожие на пиявок, внезапно отрастивших тонкие щупальца и членистые ножки. Они отдаленно напомнили мне чудище, обитавшее в канале третьего яруса.

— Эти звери безопасны, — уверял Фрог, пробираясь вперед. — Они живут своей, особой подземной жизнью. Им нет дела до человека... Вот! Нашли!.. Только... Боги Всеблагие, проясните разум глупейшего из ваших рабов! Кому посвящен этот алтарь?

Центральный зал полыхал голубоватым мертвенным огнем, испускаемым целыми гроздьями висевших на стене слизней. Алтарь, постамент...

Но на постаменте нет никакого изваяния.

— Святилище посвящено Ничему, Небытию, Пустоте? — Разве можно поклоняться Пустоте?

— Она именно на то и Пустота! Она не содержит в себе ничего.

— Знаю, — прошептал Фрог, и его шепот оказался громче удара самого огромного колокола. — Ротан, ни о чем не спрашивай, идем обратно. У нас есть один шанс из тысячи тысяч! Прискорбно, если этот шанс выпадет, но будет еще более прискорбно, если мы не сможем

его реализовать!

Мы вернулись быстро.

Гай, прижимавший к груди сломанную руку, сидел рядом с зияющим прямоугольником, ведущим в шахту подъемника. Мой приятель все-таки очнулся. На коленях Гая лежал запрокинувший голову Селадас.

— Он умер! — встретил нас Гай, озлобленно—подавленным возгласом. — Король Зингары мертв... Наверное, ударился головой. Череп проломлен возле виска. Понимаете?

По моей спине заструился холодный пот.

Фрог наоборот, выдохнул с облегчением.

— Хвала богам... Умер! Мои молитвы услышали даже отсюда. Замечательно! Я уже перестал надеяться.

Я резко развернулся. Медленно взялся за кинжал. После этих жутких слов мне хотелось только одного — отправить проклятого уродца туда, где ворота наружу никогда не будут открыты. В глубины, живым человеком неизведанные. В царство Владыки Теней... Не знаю, что меня остановило. Если это была длань Митры, то бог Солнца навестил глубины земли исключительно вовремя.

Запись пятая

в которой мы разговариваем с существами

сверхъестественными, но путешествие

заканчивается благополучно

— Ну, а последнему ярусу крепости покровительствует Нергал, — сбивчиво пояснял Фрог. — Незримый Повелитель Теней. Не вспоминайте распространенные легенды, сказки лгут. Нергал вовсе не злой бог, он всего лишь беспристрастный судья. Вернее — Судия. Справедливый, а потому — безжалостный. Человеческие души в его незримом Царстве получают отдохновение и ожидают возвращения в мир после Битвы Богов, когда старое мироустройство падет и начнется Золотой Век...

— Покороче! — рявкнул я. — Меня не интересует ни Нергал, ни... э-э... жизнь в его подземных владениях! Почему ты радуешься смерти короля Селадаса? В чем дело, Фрог?

— Легенды... Я читал в старинных богословских трактатах, будто людская душа, спустившись в Царство Теней всегда предстает перед Судией, самим Нергалом... Он определяет, достойно ли человек прожил жизнь, а затем открывает перед ним Врата в свои владения. Если человек прошел через порог — он уже никогда не вернется. Однако, если Врата не пройдены, живые могут попросить Нергала за своего умершего друга. И вообразите, бывали случаи, когда Судия возвращал душу в бездыханное тело!

— Значит, ты предлагаешь... — поразился я. — Но каким образом?

— Не перебивай. Если человек возвращается из Нижней Сфера, Нергал делает ему подарок — как-никак второй день рождения. Он исполняет любое пожелание! Любое, понимаете? У нас

один шанс из тысячи тысяч, но если мы уломаем Судию вернуть Селадаса... Мы будем спасены! Ротан, хватай мальчика, идем к алтарю! Гай, если не можешь идти — оставайся. Но будет лучше, если за зингарца будем просить все вместе, втроем! Быстрее, мы можем не успеть!

Гай поморщился от боли в сломанном предплечье, но с усилием поднялся на ноги. Я подхватил тело Селадаса и зашагал вслед за Фрогом.

— Наверное, требуется особый обряд, церемония? — безнадежным тоном вопрошал я у карлика. — Я никогда не бывал в святилищах Повелителя Теней. Ты знаком с ходом обряда?

— Какой «обряд»? — отмахнулся Фрог. — Раскрыть врата меж Средней и Нижней Сферами мира проще простого — требуются металл, огонь, живая кровь и неживая плоть. Это основы искусства некромантии, я читал. Отлично, вот и святилище. Клади Селадаса на алтарь!

Я аккуратно уложил потяжелевшее тело на серую мраморную плиту. Тонкая рука зингарца безжизненно свесилась вниз. Кривящийся Гай стоял поодаль, Фрог командовал.

— Ротан, дай кинжал... Нет, сначала порежь руку и стряхни несколько капель крови на камень!

— Может, лучше ты этим займешься? — огрызнулся я, ощущая себя участником бесполезного суеверного фарса. — И порежешь себе жилы на шее?

— Фрог взглянул на меня так свирепо, что я не раздумывая полоснул кинжалом по левому запястью. Ледяной мрамор окрасился темной кровью.

Карлик немедленно отобрал у меня кинжал, положил его в лужицу крови, открыл лампу, наклонил над алтарем. Капелька горящего масла упала на рукоять узкого клинка.

Мы с Гаем потихоньку отошли в сторону. Пока ничего особенного не произошло.

— Повелитель Теней, Справедливейший и Незримый. Живыезывают к тебе, — буднично и ничуть не торжественно забормотал Фрог. — Если Селадас Зингарский еще не миновал Врата, ведущие на подвластные тебе равнины, выслушай тех, кто хочет вступиться за маленького человека, нить жизни которого оборвалась столь безвременно... Мы просим тебя, о, Судия... Выслушай речи в защиту Селадаса Зингарского!

Тишина. Только неподалеку, в коридорах подземелья капает вода и шуршат ползающие слизни — гиганты.

— По-моему, бесполезно... — сквозь зубы процедил я, но нетерпеливый жест Фрога заставил меня немедленно заткнуться.

Чудес не было. Не взвивались языки багрового пламени, не громыхнул замогильный глас Незримого, не появились суровые стражи подземного мира. Только в отдаленной части круглого зала неясно обозначилось странное шевеление.

К нам медленно подошел явившийся из ниоткуда высокий человек.

Длинная истрапанная коричневая хламида. Пыльный рваный плащ с наброшенным капюшоном. В левой руке тяжелый корявый посох, в правой — толстая книга темного переплета с застежками в виде сомкнутых человеческих ладоней. Лицо неизвестного прикрыто тряпичной маской.

Словом, зрелище ничем не примечательное. Я представлял себе Нергала несколько иным. Более величественным, что ли?

Мои неверные выводы о сущности незнакомца были тотчас опровергнуты им самим. Человек приблизился к алтарю, уложил книгу рядом с неподвижным Селадасом и уставился на нашу слегка напуганную компанию точками красновато светящихся глаз, мерцающих под капюшоном.

— Мое имя — Леук, — без предисловий сообщил таинственный пришелец. Голос бесцветный, безразличный и глухой. — Иногда меня называют Странником или Ловцом. Именуйте, как хотите, впрочем. Мне все равно. Я служу Великому, к правосудию коего вы

взвывали. Мальчик пока не прошел Врата и ждет своей участи. Если вы решили заступиться за него — говорите. Я передам сказанное Господину.

«Леук? — подумал я. — Имя знакомое... Откуда я мог слышать о нем?»

Память услужлива: мне не пришлось долго копаться в ее лабиринтах. Ответ пришел сам собой. Особенно мрачные и грозные легенды рассказывают о Мертвце — самом верном и преданном слуге Нергала. Вот как повествует о нем «Синяя Хроника»: «Кто-то называл его Ловцом, кто-то — Стражем, некоторые предпочитали вычурное «Искатель утерянных истин», другие звали проще — Охотником, Вестником или Скрытым. Иногда за спиной слышалось оскорбительное «Вечный Мертвец» или «Ходячая падаль», но вскоре он разучился обижаться. Что они понимают, смертные, чьи жизни схожи со свечами, трепещущими на ветру? Кроме того, он действительно мертвец, с очевидным не поспоришь. Мыслящий, умеющий передвигаться и даже что-то чувствовать, но — мертвец. Покойник. Существо, обитающее на грани между жизнью и смертью, днем и ночью, не принадлежащее никому и ничему...»

Леук был связующим звеном между своим Господином и миром живых. Верный исполнитель поручений Владыки Теней, доверенное лицо самого Нергала; хмурый демон, надзирающий за миром живых, за сохранением равновесия между жизнью и смертью. Леук никогда не делал зла, но оставался в стороне и от добра — его, как и Нергала, интересовала только одна вечная ценность: Справедливость.

Но, разумеется, молва приписывала подземному демону (некогда являвшемуся самым обычным человеком, не то магом, не то некромантом, однажды заключившим с Нергалом некую жуткую сделку) огромное количество невероятно омерзительных деяний — люди боятся всего, что связано со смертью. Уверен, абсолютное большинство кошмарных баек неправдивы, а те, которые кажутся истинными — излишне предвзяты.

Я читал о Леуке в некоторых главах составленной отцом Хроники, и барон Хальк отзывался о нем сдержанно—нейтрально. Мертвый сам по себе, люди сами по себе. Остается надеяться, что Леук останется верен самой главной добродетели Смерти — беспристрастности.

— Почтенный, — Фрог неловко поклонился.

— Мальчик погиб случайно, во многом по нашей вине. Нелепая смерть молодого короля может поколебать равновесие мира и...

— Нет ничего случайного, — перебил Мертвый, одновременно расстегивая замки на книге.

— Ваши жизни — это череда предопределенных событий, которые вы неверно именуете «случаями». А к равновесию мира гибель Селадаса не имеет никакого отношения — лишь к равновесию политики.

— Те, кто любил его, будут страдать... — заикнулся я.

— Все люди страдают при телесной жизни. Это предопределено законами мироустройства, созданными Творцом Вселенной.

— Но ведь это мы виноваты! — громко сказал Гай, решившийся вступить в разговор.

— Если бы не Фрог... не я и не Ротан, мальчишка остался бы жить! Спроси с нас за смерть молодого короля!

— Ты желаешь обменять у Справедливейшего жизнь Селадаса на свою? — хладнокровно поинтересовался Леук. — Это можно устроить. Согласен? Или дождешься решения Господина, который рассудит дело по вечным законам, ведомых лишь богам?

Гай смущенно затих и покраснел.

Книга раскрылась, и я начал догадываться, что вижу перед собой величайшую драгоценность всех Трех Сфер — знаменитую Книгу Судеб, сокровище Нергала, летопись, в которой описана жизнь каждого жившего прежде, живущего ныне и даже еще не родившегося.

Интересно, зачем явившийся на зов смертных Леук принес с собой магический фолиант?

— Подойдите! — приказал Страж Серых Равнин. — Я не хочу, чтобы вы обвинили меня в предвзятости или волжи. Убедитесь, что я и Книга будем придерживаться истины только истины.

Само собой, первым подбежал Фрог, словно позабывший о мертвом зингарце, привстал на цыпочки и уtkнулся длинным носом в раскрытый том.

Конечно, карлик не мог упустить случая самолично посмотреть на удивительный артефакт, равный по цене тысячам королевств!

Я смотрел из-за угловатого плеча Леука, Гай встал сбоку. Страницы оказались пустыми — чистый пергамент без единого символа.

— Каждый может проверить, что Книга не лжет, — прогудел из-под капюшона Мертвый.
— Назовите имя одного из вас.

— Пусть будет Гай Аттинский! — провозгласил Фрог с более чем невинным видом. Нет бы назвать собственное имя — сколько секретов бы открылось!

Пергаментные листы шевельнулись, перелистались без вмешательства Леука, и посреди левой страницы обозначились ровные строчки аквилонских букв: «*Гай Рострон, по титулу двадцать четвертый эрл владения Аттина. Родился в 1297 году. Всеми окружающими ошибочно считается сыном эрла Грея Аттинского от его супруги, урожденной баронессы Хродехильды Лестер. В действительности был тайно усыновлен эрлом Греем в младенчестве, как плод незаконной связи эрла и графини Клай, скончавшейся в родах, признан приемной матерью Хродехильдой наследником...*»

— Боги! — воскликнул я. — Гай, это правда? Ты знал раньше?

— Ну... — мой приятель вновь запунцовел и потупился. — Отец рассказывал. Кроме батюшки, госпожи Хродехильды и меня никто не знает.. Ротан, Фрог...

— Мы сохраним тайну, — нетерпеливо бросил карлик. — Я и Ротан обещаем. Правда, барон Юсадаль?

Я кивнул. Какое мне дело до происхождения Гая? Так или иначе, оба родителя — из самых благородных семей Боссонского герцогства. Книга порождала новые строчки: «...В возрасте пятнадцати—семнадцати лет постоянно участвовал вместе с отцом и дружиной Аттины в набегах на пограничные деревни пиктов и в разгроме пиктских отрядов, совершающих рейды в Боссонию. Лично убил семнадцать пиктов. Так же его меч обагрен кровью двух аквилонских купцов, направлявшихся в Киммерию — караван был разграблен отрядом эрла Грея 14 днем третьей весенней луны 1313 года, сдавшиеся на милость победителя торговцы и уцелевшие охранники — вырезаны. Тремя седмицами позже изнасиловал захваченную пиктскую лучницу, впоследствии бежавшую из плена и спустя положенный срок родившую от него мальчика, названного пиктами Халассом — «Подарком Белокожих». Вскоре был отправлен эрлом Греем в...»

Невероятно! Вот тебе и тихоня Гай! Как, оказывается, много мы не знаем о наших друзьях! Доблестный гвардеец стоял ни жив, ни мертв. Похоже, его проняло всерьез.

— Хватит, — пророкотал Леук. — Удостоверились?

Строчки в Книге немедленно исчезли.

— Если прочитанное нами истинно, — подвел итог карлик, повернувшись к гвардейцу, — то я беспокоюсь за твое, Гай, будущее. Кошмар! Войны, набеги, убийства, насилия — и это в таком нежном возрасте!

— Жизнь в приграничной Боссонии отнюдь не мед, — смущенно отозвался Гай. — Или ты, или — тебя. Лесной закон. А вообще, Книга не соврала. К моему сожалению.

— Тогда взгляните, — глухо проговорил Леук, указав затянутой в перчатку ладонью на Книгу Судеб. — Сейчас нам расскажут о жизни короля Селадаса. Той, которая могла бы

состояться, не окажись он сегодня в подвалах Тарантийского замка. Итак, зингарец должен был умереть в возрасте шестидесяти двух лет...

Страницы вновь перевернулись и пышный заголовок сообщил: «Селадас Зингарский, из династии Альмендро. Рожден от королевы Чабелы, дочери Фердруго и принца Оливерро в 1303 году в Кордаве...»

Читали мы долго. И хотя Книга Судеб пыталась быть краткой, история непрожитой жизни Селадаса растеклась почти на двадцать листов. Я не хочу и не буду рассказывать в подробностях о прочитанном. Это тайна мне не принадлежит.

Скажу лишь, что передо мной прошла воистину королевская судьба, со всеми ее перипетиями, радостями, чудовищными поступками тирана и редким великодушием счастливого монарха. Увы, но черных страниц в этой жизни было гораздо больше, нежели светлых.

Чабела действительно вырастила бы до крайности избалованного и развращенного вседозволенностью властителя, от которого вскоре могли зависеть судьбы тысяч людей. По крайней мере, будущее Зингары в эпоху несбывшегося царствования Селадаса не показалось мне счастливым и радужным...

— Вы по-прежнему настаиваете? — осведомился Леук, едва был перевернут последний лист трактата. — Будете просить Господина вернуть жизнь наследнику Чабелы?

Признаться, я уже не слишком рвался упрашивать посланника Нергала поддержать нашу просьбу пред лицом Справедливейшего. Прочитанное не понравилось никому, включая скептически настроенного Фрога.

Карлик подумал, пожевал губами, сплюнул, покачал головой, тихонько выругался и, наконец, серьезно уставился на невозмутимого Леука.

— Здесь присутствует некий казус, — с расстановкой произнес Фрог. — Ты недавно сказал: «Нам расскажут о жизни короля Селадаса, которая могла бы состояться, не окажись он сегодня в подвалах Тарантийского замка». Верно?

— Верно, — кивнул Мертвый.

— Но вот сейчас произошло то, что произошло. Селадас на Серых Равнинах. И я уверен, если мальчик вернется, запись о его жизни изменится.

— Изменится, — подтвердил Леук. — Не знаю, насколько. Думаю, ненамного, пускай случившееся и отразится на его судьбе. Итак, я обязан возвращаться к Судие. Что ему передать? Вы отказываетесь от просьбы, узнав правду о жизни этого человека?

— Нет, не отказываемся, — решительно сказал Фрог. — Потому что многое возможно изменить. Это в человеческих силах. Я уверен — каждый из нас способен противостоять предопределению.

— Не отказываемся, — согласился я. — Если можно — верните мальчишку в этот мир.

Гай только наклонил голову в знак поддержки.

— Но почему? — казалось, Леук слегка рассердился. Конечно, Смерти не хочется расставаться с законной добычей! — Почему? Какой аргумент в защиту будущего тирана вы приведете?

— Предопределение изменилось, — загадочно сказал Фрог. — Это и есть главный аргумент.

— Прощайте, — холодно бросил Мертвец, быстрым движением застегнул книгу, повернулся и зашагал в темноту. Донеслась только последняя — фраза Леука: — Ждите, вам сообщат о решении Господина.

Мы замерли возле алтаря в угрюмом молчании. Первым встрепенулся деловитый Фрог.

— Ротан, кровь из пореза больше не идет? Прекрасно! Давай поможем Гаю — на сломанную руку следовало бы наложить какие-нибудь лубки! Гай, когда вернемся в замок

— немедленно отправишься к лекарю!

Не понимаю, как наш безобразный компаньон ухитряется сохранять оптимистичное настроение в самой паршивой ситуации? Может быть, Фрогу действительно нечего терять? И все-таки жаль, что я не решился попросить Книгу Судеб рассказать нам о жизни королевского шута. Он доселе остается для меня неразрешимой живой загадкой. Ждали долго, не менее полного колокола и двух квадрансов. Лубки на предплечье Гая были созданы из плоских ножен наших кинжалов и перевязаны лоскутами ткани, оторванными от подола балахончика королевского шута — теперь Фрог выглядел истинным «королем нищих», легендарным персонажем Тарантийских сказочников. Страшный, как смерть, оборванный, грязный, но очень и очень самодовольный.

Я несколько раз подходил к телу зингарского короля, по-прежнему остававшемуся на плите алтаря Незримого. Никаких признаков возвращающейся жизни.

Кожа холодная и противно липкая. В голубоватом свете, истогаемом огромными слизнями, безжизненное лицо Селадаса выглядело устрашающее.

Разговорчивый Фрог предпочел молча прогуливаться по залу святилища и с нарочито безразличным видом рассматривать обитающих здесь необычных животных. Упорно делал вид, будто его ничто не заботит.

Гай шипел под нос недобрые словечки — ему очень не нравилась окружающая обстановка. Как и большинство людей, воспитывавшихся в глухой провинции, Гай был суеверен, а значит, он предпочитал не доверять силам потусторонним. Я попробовал его успокоить, сказав, что пока мы живы, Нергалу и его слугам нет никакого дела до троих незадачливых искателей приключений, а огненные демоны — Пламенные Плети, заперты в глубинах так надежно, что вырваться не сумеют. Или, по меньшей мере, не будут делать это прямо сейчас.

Когда Гай весьма недвусмысленно рыкнул, чтобы я оставил его в покое, пришлось послушаться. Босые ноги превратились в совершеннейшие ледышки, и я, со вздохом распорол кинжалом куртку, начав сооружать из лоскутов кожи и ремешков некое подобие «киммерийских башмаков» — ступня и голень заворачиваются в мягкую кожу и закрепляются длинными тесемками. Когда я завязывал последний узел, внимательный Фрог, заставив нас с Гаем вздрогнуть, воскликнул:

— Поднимайтесь! Глядите! Я знал, что Справедливейший не забудет о нашей просьбе!

Повинуясь жесту карлика, я обернулся к стене зала, в которой исчез Леук.

Точно, слизни — светлячки начали оживленно расползаться в стороны, освобождая место для неожиданно появившихся темных двустворчатых ворот — арка была высотой не менее четырех локтей, достаточно, чтобы прошел самый высокий человек.

Когда двери распахнулись, в лучах исходившего из глубин зеленовато — белого света стала различима знакомая тощая фигура Леука. Только сейчас Книги при нем не наблюдалось.

— Если не боитесь — идите, — по залу тугой волной разошелся голос Мертвого.

— К-куда? — ахнул я.

— За вашим мальчишкой. Незримый согласен отпустить его. Возьмите бренное тело...

— Мы ведь не боимся, правда? — заюлил Фрог, но в его развязности явственно звучала нотка страха. — Нас сразу отпустят! Верно, досточтимый Леук?

Мертвый надменно промолчал, однако кивнул в знак правоты Фрога.

Я снова подхватил труп Селадаса на руки (Боги, каким он стал тяжелым!). Посланник Нергала величественно развернулся, сделал жест рукой, призываю идти вслед. Первым засеменил к воротам неугомонный карлик, я за ним, арьергард прикрывал бледный Гай. Видимо, догадался; куда нас пригласили.

Лестница, ведущая вниз. Очень длинная. Я пытался считать ступеньки, но сбился на

пятисотой. Не темно, однако и не светло. Потолок и стены окрашены мутно-болотным сиянием, позволяющим различать фигуры идущих впереди, но не детали их одежды или тонкие черты фигур. Позади беззвучно сквернословит Гай, громко сопит Фрог. Леук перемещается как призрак — его ноги словно и не касаются камня ступеней, шаги не различимы.

У меня онемели руки, и Селадаса пришлось положить на плечо, будто мешок. Его холодные ладони ударяли по моей спине. Страшно не было — наоборот, на этой странной лестнице каждого из нас обуяло чувство полнейшего безразличия и спокойствия. Если мы действительно направляемся к Незримому, то он не собирается нас пугать. Зачем? Так или иначе, каждый из смертных окажется в объятиях Господина. Рано или поздно.

Вот она, последняя, самая нижняя площадка. Леук резко остановился.

— Будьте почтительны, — порекомендовал он. Такое чувство, будто Мертвый заподозрил нас в желании нагрубить тому, кто повелевает Серыми Равнинами. — Не говорите много. Вы и так доставили нам излишние заботы. Превыше всего Господин ценит вечное спокойствие Царства Теней, которое никто — особенно смертные! — не вправе нарушать... Идем!

Если это на самом деле был дворец Нергала, то я позавидовал чувству вкуса его хозяина. Никакой пошлой роскоши, ничего вульгарного или вызывающего. Скромные украшения, созданные, однако, из самых драгоценных материалов; строгие охранители в древних доспехах (или просто неподвижные статуи воителей?), беспрепятственно пропускающие уверенного в себе Леука и нашу компанию, спешающую вслед. Полнейшее безмолвие. Никаких запахов, движения воздуха. Тут все мертвое.

Неужели мы действительно оказались во владениях, где живые люди такая же редкость, как честный канцлер или щедрый ростовщик? В Царство Нергала допускались лишь редкие гости из Средней Сфера, их количество можно исчислить единицами! Селадас — король. Сомневаюсь, что ради безвестного мальчишки из предместий Тарантии, случайно утонувшего в реке, Незримый открыл бы живым дорогу в Нижнюю Сферу. Нам либо очень повезло, либо...

— За этими дверьми — Обитель Господина, — сообщил Леук, когда мы прошли через несколько длинных галерей и остановились возле полукруглых ворот — черный мрамор и золотые искры, вспыхивающие в глубинах тяжелого камня.

— Великий готов принять вас немедленно.

Створки расползлись бесшумно.

Безумно красиво. Огромная прямоугольная зала выглядела монашески строго, но отказать Обители в чарующем неземном великолепии было сложно. Тут вовсе не преобладал черный цвет — в основном серый, всех возможных оттенков, от жемчужного до мышиного. Два ряда полупрозрачных колонн, справа и слева. Между ними — статуи, на высоких постаментах, мутного розово-серого мрамора. Титанические чаши, извергающие бесцветное белое и холодное пламя. Стены и пол украшены преискусной мозаикой.

Ничего угрожающего. Ничего, способного возбудить в человеке тревогу или ужас. Да, необычно, колдовски прекрасно, чуточку тяжеловато... но не страшно! Я всегда полагал, что загробная жизнь человека будет тяжелой и безрадостной, наполненной грустью и жутью! Тут, прежде всего, спокойно.

Леук провел нас от дверей в противоположный конец Обители. Я надеялся увидеть огромный трон, на котором должно восседать богу, или что-нибудь столь же величественное, однако разочаровался — под мозаичной картиной (во всю стену!) изображавшей все Три Сфера мироздания, стоял обычнейший железный стул без украшений. Скромно живет Нергал, ничего не скажешь.

Над жестким сидением, впрочем, клубился непонятный тугой сгусток — то черный, то радужный...

Некое вместилище божественной силы, не имеющее формы, цвета, но располагавшее собственной, непостижимой человеческому разуму жизнью.

— Можно не кланяться, — сказал Леук. — Господину безразличны знаки почтения.

Не обратив внимания на слова Мертвого, мы все преклонили правое колено. Бог — это больше, чем любой король!

Я осторожно положил тело Селадаса перед железным стулом.

Сгусток Силы внезапно поднялся выше, затем ринулся к расцвеченному цветными камнями полу и начал обретать зрячую форму.

За полдесятка ударов человеческого сердца Справедливейший воплотился.

С виду — человек. Не молодой, но и не старый, лет сорока пяти. Морщины на лице. Бесцветные волосы — седоватые или светло-русые, серые, перехваченные на лбу простеньким шнурком. Облик напоминает ушедшего на покой философа — взгляд неожиданно ярких синих глаз умиротворен и спокоен. Одежда скромная — длинная, до пола, жемчужная хламида без всякой вышивки или драгоценных накладок. Только на пальце красуется перстень черного камня.

— М-мы... — заикнулся Фрог, как самый смелый. — Господин, мы...

— Знаю, — мягко сказал Нергал. — Не следует говорить лишнего. В моем доме это не приветствуется. Ты сказал Леуку, будто предопределение Селадаса изменилось. Почему?

— Потому, великий, что я сам прослежу за этим изменением, — безапелляционно заявил Фрог. — И написанное в Книге не сбудется. Если нужно — я положу ради этого свою жизнь. И мои друзья, надеюсь, не откажутся.

— Надеешься, или знаешь? — наклонил голову Судия.

— Знаю!

Мы с Гаем обменялись взглядами. И каждый нашел понимание. Если давать слово — то пред лицом одного из Великих!

— Селадас будет другим, — сказал Гай, увидев мою поддержку. — Мы обещаем тебе, Хранитель Душ!

Нергал вытянул руку и над его ладонью материализовалась Книга Судеб. Бог раскрыл фолиант, пролистал несколько страниц, покивал. Судя по лицу — остался доволен. Аккуратно положил книгу на свой неприметный трон.

— Я отпускаю мальчика, — тихо сказал Владыка. — Вот он. Но помните о данном мне слове... Я не прощу обмана.

Нергал кратко отмахнулся ладонью, и рядом с ним появилась тень. Призрак. Бестелесное существо, прозрачное и зыбкое, было очень похоже силуэтом на маленького зингарца. Вот как, оказывается, выглядит человеческая душа, ушедшая на Серые Равнины!

Призрак внезапно обратился в клубок тумана, взмыл к потолку, а затем ринулся к телу Селадаса, будто чайка, ныряющая в воды Океана. Дух и плоть воссоединились.

Фрог с торжествующим ревом бросился к зингарскому королю. Помог встать. Селадас взирал на нас и Владыку изумленно. И он был жив!

— Я вправе вручить тебе любой дар, ради второго рождения, — Справедливейший положил ладонь на плечо мальчишки, привлекая внимание. Глаза Селадаса выражали безмерное изумление происходящим. Видимо, еще не осознал, каково это — воскреснуть. — Пожелай, и чаемое исполнится...

— Ой, — своим обычным тонким и капризным голоском заверещал Селадас. — Правда? Я всегда хотел кровного жеребца из матушкиной конюшни, и еще свой собственный боевой корабль, и поехать на лето в Аргос...

— Леук, стоявший за нашими спинами, неделикатно хрюкнул. Смеялся над наивностью

смертных.

И вдруг Селадас осекся. Глянул на Фрога, на Гая, на меня. Изменился в лице. И очень смущенным тоном попросил:

— А можно... Можно я вернусь к маме? Точнее, мы все вернемся? Я, месьор Фрог, и благородные гвардейцы? Можно? Прямо сейчас?

— Уверен, что ты хочешь именно этого? — уточнил Господин. — Прямо сейчас? Не жеребца, не свой корабль?

— Уверен! — отчеканил Селадас. И хитро улыбнулся.

— Что ж, досточтимый Фрог, я не ошибся в решении, — Нергал мимолетно поклонился карлику. — Уходите. Желание вновь рожденного исполнится немедленно. В том — закон, который никто не будет преступать.

А затем для живых наступила тьма.

... Стража была злой и неразговорчивой. Городские блюстители с черными от усталости лицами подгоняли нас тупыми концами пик в спины, однако мы не жаловались. Поняли, что попали в грандиозную облаву, устроенную властями Тарантии. Объясниться даже не пытались — стража никого не слушала, а лишние разговоры пресекала тумаками.

... Я, Фрог, Гай и Селадас очнулись в какой-то закопченной кирпичной галерее. Вонючий теплый воздух разительно отличался от ледяной свежести дворца Справедливейшего. Сразу стало ясно, что здесь обитают люди.

— Если все минувшее нам не почудилось, — прокряхтел карлик, шустро вскакивая на ноги, — и Незримый исполнил желание Селадаса, мы должны находиться в королевском замке Тарантии! Однако, я не узнаю этого места.

Неподалеку послышались напряженные человеческие голоса. Звук приближался. Вскоре стало ясно, что по освещенной редкими коптилками галерее бегут двое или трое людей, направляясь в нашу сторону.

— Нищие! — пораженно выдавил Гай, рассмотрев прищельцев. — Эй, месьоры, вы откуда?

— Из притона Кривого Эйнара! — задыхаясь, сообщил первый бродяга, облаченный в бесформенные коричневые лохмотья. — Во все подземелья города лезет стража, кого-то ищут! Не убивают, а сгнояют всех на площадь Побед Сигиберта или в кордегардии! Если хотите унести ноги — бегите за нами!

— Думать будем потом, — скороговоркой произнес Фрог. — Теперь понятно, что нас перенесли в обжитые катакомбы под городом! Чтобы не иметь проблем со стражниками — побежали! До замка доберемся своим ходом! Селадас, не отставай! Мы ринулись вслед за перепуганными нищими, вероятно принявшими нас за своих. Немудрено — каждый, включая зингарского короля, был невероятно грязен, лица чумазые, одежда разодрана и припорощена пылью. Никто из всей четверки внешне никак не напоминал благородного дворянина.

Попались, само собой, глупо. Нищие вывели нас к выходу, расположенному на улице Медников, однако лестницу наверх уже охраняли городские гвардейцы. Увидев заряженные арбалеты, мы немедленно сдались — не хотелось вновь очутиться в Обители Теней. Еще не время...

Каждому, кроме покалеченного Гая, скрутили руки за спиной (Селадас морщился, но терпел) и повели вверх по улице, но не к площади, а в сторону кордегардии, к дециону, возглавлявшему стражу квартала. Судя по шуму наочных улицах города, облава была нешуточной — Конн явно решил любой ценой отыскать своих гвардейцев, шута и малолетнего зингарского гостя, исчезнувших в глубинах Подземного Города.

— Ага, еще семеро! — толстый десятник свирепо оглядел нашу компанию и тройку нищих, когда стражники втолкнули нас в обширное помещение кордегардии. — Всех в клетку! До

выяснения!

— Позволь, почтенный! — завопил Фрог, надуваясь будто рассерженная жаба. — Нельзя так поступать с благородными дворянами и слугами короля!

— Ты, что ли, благородный дворянин? — несколько сальных подбородков десятника затряслись от мелкого смеха. — Высоко метиши, коротышка, не по росту! Сказано — в клетку! Утром разберемся!

— Я барон Ротан Юсадаль! — попытался возмутиться я. — Отошли человека во дворец, пускай пришлют караул гвардии Черных Драконов, меня опознают! Этот мальчик — король Зингары!

— А я — сам святейший Эпимитриус, — поморщился толстяк. — Заткнуться всем! Порядок не нарушать, не голосить! Иначе всыплю плетей! Бродяги! Явится господин капитан — разберется, кто здесь барон, а кто золотарь. Марш!

С тем мы оказались в битком набитой бродягами камере, отделенной от кордегардии толстой заржавленной решеткой. Хорошо хоть руки развязали. Изловленные в катакомбах нищеброды оживленно обсуждали последние события — внезапный налет гвардии на подземные укрытия, усердные разыски каких-то неизвестных, чьи приметы пока оставались тайной, а заодно и прибытие в город важных заграничных особ.

— Сидеть нам здесь не меньше суток, — огорченно сказал Фрог, устраиваясь в свободном уголке камеры и приглашая остальных присесть рядом. — Надо же, побывали в преддверий самих Серых Равнин, побеседовали с богом, а теперь вынуждены отдыхать в вонючем каземате плохонькой кордегардии!

— Матушка обязательно нас найдет, — вставил Селадас, расположившийся возле шута. — Очень скоро. Я должен передать ей привет от деда, короля Фердруго — мы виделись там... внизу.

— Вот как? — поразился Фрог. — Послушай... А как это — быть мертвым?

— Я и не заметил, — равнодушно пожал плечами Селадас. — Когда подъемная камера упала вниз, я сильно стукнулся головой (он машинально почесал небольшой синеватый рубец у виска), а потом... Потом я сразу оказался в каком-то дворце. Там были дедушка, папа... Сначала я удивился — они ведь умерли! Мы разговаривали... О разном. Знаете, давайте я потом расскажу? Посейчас не могу опомниться.

— Конечно, конечно, — согласился Фрог и строго глянул на нас с Гаем. — Не забудьте, мы будем обязаны переговорить с Чабелой. Запись в Книге Судеб должна измениться! И, в конце концов, мы дали слово Незримому!

— Какое слово? — немедля встрял Селадас.

— Честное, — нехотя буркнул карлик. — Мы пообещали помочь одному знакомому мальчишке стать настоящим человеком. Селадас, попробуй заснуть. Это был самый утомительный день в моей жизни...

Я уже задремывал, привалившись спиной к прохладной стене камеры, когда через решетку донеслись знакомые голоса:

— Нет, месьор гвардейский сотник, никаких подозрительных типов не задержано! Обычные бродяги, ничего примечательного.

— Плохо. Запомните еще раз приметы разыскиваемых — четверо, двое молодых людей, мальчик десяти-двенадцати лет и карлик с заячьей губой. Одеты...

Меня будто пружиной подбросило. Боги, это же сотник Драконов, месьор Равальд! Мой командир! Наверное, инспектирует городские кордегардии после облавы!

Я подскочил к решетке камеры. Точно! Равальд и несколько знакомых гвардейцев из нашей сотни! Ура!

— Эй! — завопил я. — Мы здесь!

Толстяк-стражник, отвечавший на вопросы грозного гвардейца, отреагировал первым — запустил в меня огрызком яблока, валявшимся на столе. Попал в лоб. Повернулся к замершему Равальду, объяснив:

— Что с этих паршивых нищих возьмешь! Так и норовят нарушить благочиние!

Спустя четверть колокола мы очутились в королевском дворце. Сонного зингарского короля слуги немедленно унесли в опочивальню, а неугомонный Фрог потащил нас к Белой Гостиной. Гай попробовал отговориться сломанной рукой и надобностью побывать у лекаря, однако шут упрямо заявил:

— Позже! Есть дела более важные! Королевская гостиная принимала прежних гостей. Несмотря на поздний час, в комнате оставались Конн, Чабела и канцлер Просперо.

— Нашли? — аквилонский король вскочил.

— Нашли. Жив и здоров, — скрипуче заявил карлик. Хмурая, заплаканная Чабела вымученно улыбнулась.

— Я попросил бы тебя, Конн, и тебя Просперо, выйти ненадолго, — Фрог хозяйственным жестом указал королю и великому герцогу на дверь. Последние от изумления подобной наглостью лишь рты раскрыли. — У нас есть исключительно приватный разговор к Ее зингарскому величеству.

— Если приватный, тогда, пожалуйста, — неожиданно покладисто согласился Конн.

— Только потом вы обязательно все расскажете! Идем, Просперо.

Когда двери захлопнулись, Чабела настороженно подалась вперед.

— Мой сын не пострадал?

— Отчасти, — Фрог отхлебнул из наполненного кубка короля, порылся в складках балахона и вынул свернутый вчетверо лист пергамента. — Ротан, Гай, присаживайтесь.

Карлик разгладил чистый листок на столешнице и взглянул на нас с торжеством. В чем суть разыгрываемого спектакля пока никто не догадывался.

— Пусть нам поведают о несостоявшейся жизни Селадаса Зингарского, — с расстановкой произнес шут, уставившись на белый пергамент. — И пусть королева Чабела сама прочтет историю своего наследника!

Подобное чудо я наблюдал совсем недавно. Так появлялись написанные умелым каллиграфом строчки на чистых страницах Книги Судеб.

— Ты!.. — ахнул Гай. — Святотатец! Но каким образом?.. Когда?

— В святилище. Леук отвлекся на мгновение, и маленький Фрог улучил момент, — хихикая, сказал шут. — Ну, выдрал из Книги один листик, от Нергала не убудет... Читай, о, королева!

— Ничего не понимаю, — нахмурилась Чабела. — Что происходит, Фрог?

— Сначала прочти, а затем... Затем мы все объясним. Главное — ничему не удивляйся, госпожа. От твоего понимания зависит судьба не только Селадаса, но и благополучие Зингарского королевства.

Чабела осторожно взяла измятый лист и принялась читать...